

ВАДИМ ПАНОВ

НАЛОЖНИЦЫ
НЕНАВИСТИ

ЭКСМО

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Тайный Город

Вадим Панов

Наложницы ненависти

«Панов Вадим»

«ЭКСМО»

2003

Панов В. Ю.

Наложницы ненависти / В. Ю. Панов — «Панов Вадим»,
«Эксмо», 2003 — (Тайный Город)

ISBN 5-699-14422-6

Усеченная пирамида в центре кровавой площади содрогнулась. Тот, кто уже много десятилетий был заключен в стеклянном саркофаге, рвался на свободу. Но площадь – древняя зона контакта с Преисподней – была перекрыта могущественными обитателями Тайного Города. Последние представители давно исчезнувших цивилизаций здесь, в центре Москвы, в бою с иерархами ада спасали не только себя, но и нынешнее человечество от Великого Господина, воплотившего в себе всю ненависть этого мира...

ISBN 5-699-14422-6

© Панов В. Ю., 2003
© Панов Вадим, 2003
© Эксмо, 2003

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вадим Панов

Наложницы ненависти

Пролог

Вокруг черных ониксовых стен древнего замка Кадаф, двадцать башен которого гордо устремлялись ввысь на крутом берегу священного Сейд-озера, полыхали зарницы. Не далекие, красивые, навевающие мысли о приближении освежающего дождя, но близкие, злые, несущие смерть и ужас.

Зарницы магии огня.

«Кольца саламандры», окружающие и медленно стягивающие смертельную петлю, «дыхание дракона», жестоким потоком выжигающее целые шеренги солдат, молнии «эльфийских стрел», с легкостью пробивающие самые прочные латы. Для большинства иерархов Кадаф магия огня была не страшна, но Птиц Лэнга, Тоцих Всадников и прочих рядовых армии Азаг-Тота Великие Дома выкашивали методично, уверенно и целенаправленно приближаясь к священному Сейд-озеру, к ониксовому замку Кадаф, к сердцу Гипербореи.

– Мы нанесли удар во фланг и прижали Дочерей Журавля к Серебряным скалам. – Гуля тихонько засмеялась. – Эти сучки визжали так, что даже у меня заложило уши. Три десятка положили.

Она была самой крепкой из всех наложниц Великого Господина, самой широкоплечей, самой мускулистой. Ее массивную грудь закрывал серый панцирь, руки защищали наплечники и грубые стальные перчатки, а ноги – пластинчатая юбка до колен. Свой шамшир, изогнутую кривую саблю, Гуля бережно приставила к стене, а сама, грузно присев на золоченое кресло, большими глотками поглощала налитое в кубок вино.

– Что было потом? – небрежно поинтересовалась Тасмит.

Вторая наложница томно изогнулась на хрупкой кушетке, вертя в руках небольшое зеркальце.

– Когда потом?

– После того, как ты героически положила тридцать белобрысых ведьм?

Гуля вздохнула:

– Мы прозевали выпад командоров войны. Пришлось отступить.

– Удрать.

– Заткнись!

Тасмит зло расхохоталась:

– Ты проводишь слишком много времени с Тоцими Всадниками. Они сделали тебя тупой!

– Я же сказала: заткнись!

Гуля явно злилась. Сильный, хороший воин, она знала, что проигрывает в уме и коварстве двум другим наложницам, но это же не повод насмехаться над ней! А они насмеваются!

«Особенно эта сука Тасмит. Великий Господин, да хранит нас его ненависть, всегда говорил, что ценит свою Гулю не меньше, чем остальных наложниц. А они насмеваются!»

Гуля погладила бритую голову, привычно провела подушечками пальцев по черной подписи Азаг-Тота, вытатуированной на правой стороне и бросила быстрый ненавидящий взгляд на товарку.

«Ишь, прихорашивается! Ведет себя так, будто Великие Дома не рвутся к стенам замка Кадаф».

Тасмит действительно была спокойна, даже расслаблена. Белое, с тонкой золотой вышивкой платье подчеркивало высокую грудь и приятный оттенок бархатистой смуглой

кожи. Обнаженные руки элегантны, крепкие мускулы не выпирают, стройные ножки, выглядывающие из разрезов юбки, соблазнительны, шея точеная, тонкий прямой нос чуть длинноват, но такова особенность породы.

«Чистокровная гиперборейская ведьма, будь она проклята! – Гуля знала, что в ее роду не все чисто, и тайно завидовала двум другим наложницам. – Но Великий Господин, да хранит нас его ненависть, всегда говорит, что ценит свою Гулю».

Сторонний наблюдатель мог легко принять Тасмит за дорогую куртизанку, побрившую голову для удовлетворения экзотичной прихоти любовника, но жесткие золотые глаза и черная подпись Азаг-Тота на правой стороне головы намекали, что не любовь является главным развлечением для этой девушки, совсем не любовь. И окончательно в этом убеждал длинный бич, составленный из металлических пластин, гибкий, как змея, и острый, как бритва. Бич, который наводил ужас на врагов красавицы, утонченно подправляющей перед зеркальцем и без того идеальную линию губ.

– Сегодня ночью Сантьяга пытал Шаб-Ниггурата, – легко, словно о чем-то обыденном, поведала Тасмит. – Не знаю, слышала ты его вопли во время своего бегства или нет...

– Мы отступали!

– Да... я помню...

Гуля сжала кулак. Она тоже недолюбливала этого пьяницу Шаб. И ненавидела его, как учит Великий Господин. Но в последние месяцы, когда иерархам Кадаф приходилось частенько биться плечом к плечу, отношения между ними изменились. Взаимная ненависть стала другой, более зрелой... А эта сучка совсем не изменилась!

– Послушай... – пикировка соперниц неожиданно была прервана.

– Они продержатся столько, сколько нужно, и без твоей помощи, Лазь! Ты нужна мне здесь!

– Но ты отозвал с фронта Носящего Желтую Маску и Элигору приходится нелегко!

– Так надо!

Только Лазь могла позволить себе спорить с Великим Господином. Они буквально ворвались в комнату, на ходу продолжая начатый ранее разговор и остановились, яростно глядя друг на друга.

– Элигор не продержится!

– Я сам помогу краснокожему! – рявкнул Азаг-Тот. – Ты нужна мне здесь!

Третья наложница недовольно дернула плечом, прислонила к стене длинную, песочного цвета палку, «орлиный шест», взяла со стола недопитый Гулей кубок и сделала жадный глоток вина.

– Рыцари соединились с атлантами и прорвались к перевалу Длинных Караванов, – негромко сообщила она остальным.

Одетая в черное Лазь являлась как бы симбиозом двух других наложниц. Ее красота, не такая вызывающая, как у Тасмит, была не менее яркой, а изящная стройная фигура, не перегруженная, как у Гули, мускулами, дышала силой и ловкостью. Ее нельзя было принять за куртизанку, но любое мужское сердце ускоряло ритм при появлении этой наложницы.

– Они выйдут к священному озеру до рассвета, – закончила Лазь.

– Мы успеем, – спокойно произнес Великий Господин.

– Успеем что? – спросила Тасмит.

– Успеем их обмануть, – рассмеялся Азаг-Тот.

Невысокий, слегка сутулый, лысый, он был одет в золото, в тяжелое золото Кадаф. Плащ, камзол, пояс, сапоги, шпоры – все, каждая деталь его облачения была вышита золотом или сделана из него. Оно переливалось и поблескивало, оно сверкало и сливалось с ярким светом золотых глаз повелителя Гипербореи. Больших, глубоко запавших глаз.

– Великим Домам и предателям челам удалось прижать нас, – негромко проговорил Великий Господин.

– Мы будем драться! – не выдержала Гуля. – Они не могут нас победить!

Она очень хорошо зазубрила откровения. Азаг-Тот поморщился:

– Ненависть хороша, когда она подкреплена силой. Каждый из вас стоит сотни врагов, но они выставляют тысячу! Значит, мы должны отступить.

– Нам некуда большие отступить, – тихо напомнила Лазь.

Армия Великого Господина прижалась к священному Сейд-озеру и сил не оставалось даже на контратаки, не говоря уже о полномасштабном наступлении. Полная блокада. Полный разгром. Противник официально объявил гиперборейцам войну до полного уничтожения.

– Здесь, вокруг замка Кадаф, мы можем держаться очень долго, – убежденно заявил Азаг-Тот. – И Великие Дома это знают.

– Запасы Золотого Корня истощены, – буркнула Тасмит.

– А вот этого они не знают, – снова рассмеялся повелитель. – И будут нас бояться. Будут бояться нашей ненависти!

– Пока они боятся, мы непобедимы! – радостно добавила Гуля.

– Да, – согласился Азаг-Тот, – именно так. И мы воспользуемся их страхом в своих интересах.

– Как?

Вместо ответа Великий Господин медленно подошел к Гуле и провел рукой по ее мощному плечу.

– Смелая воительница... Твоя неистовая ненависть в сражениях поражает даже меня.

– Да, господин. – Гуля опустилась на колени. – Что я могу сделать для тебя?

Азаг-Тот повернулся к Тасмит:

– Хитрость и коварство сделали тебя действительно проклятой, повелительница Первого Греха. Твоя ненависть греет мою душу.

– Да, господин. – Томная красавица Тасмит опустилась на колени. – Что я могу сделать для тебя?

– Лазь... Я создавал идеал и у меня получилось. Огонь твоей ненависти рвет этот мир на части.

– Да, господин. – Третья наложница опустилась на колени. – Что я могу сделать для тебя?

Некоторое время Азаг-Тот смотрел на склоненных жениц, внимательно, словно видя в первый раз, изучал украшающие их подписи, а затем начал говорить:

– Пока Великие Дома не опомнились, пока они не поняли, что у нас закончился Золотой Корень, я отправлю армию в Глубокий Бестиарий. Всю армию, всех, кто остался: мертвых демонов, Тощих Всадников, диких оводов, птиц Лэнга, всех, включая иерархов. Наместником назначен Носящий Желтую Маску.

«Наместником? Значит...»

– Вы правильно подумали, проклятые ведьмы, – усмехнулся Великий Господин. – Я остаюсь здесь, в мире. Великие Дома не смогут причинить мне особых неприятностей, а вот я... Я постараюсь вернуть Кадаф.

– Мы будем помогать тебе, господин? – не поднимая головы, спросила Гуля.

– В отличие от меня вы не сможете укрыться от гнева Великих Домов. Вы уязвимы для их магии.

– Мы пойдем в Глубокий Бестиарий?

– Нет. – Азаг-Тот поднял подбородок Тасмит, заглянул в ее золотые глаза. Преданные глаза, любящие и ненавидящие. – Я спрячу вас среди людей.

– Нас очень легко узнать, – улыбнулась наложница. Но улыбнулась без страха и без сомнения: если Великий Господин прикажет – она пойдет к людям, пусть даже ее сразу же найдут.

– Я спрячу так, что вас никто не узнает, – пообещал повелитель Гипербореи. – Я разработал заклинание, которое переместит вашу сущность в тела обычных женщин, Носящий Желтую Маску готовит обряд и совершит его сегодня ночью. Ваши тела будут уничтожены, но ваши души, ваша ненависть, ваш огонь будут перерождаться в каждом третьем поколении.

– То есть через три поколения мы соберемся вместе и...

– Не совсем так. Чтобы спрятать вас так хорошо, как я хочу, так хорошо, чтобы колдуны Великих Домов не уцеляли вас и не убили, мне придется очень тесно сплести вас с душами жертв. Так тесно, что даже переродившись вы не будете помнить себя.

– Тогда к чему это? – спросила Лазь.

– Золотой Корень станет дровами для пожара вашей ненависти. Приняв его в перерожденном поколении, вы полностью вернете свои способности...

– И память!

– Не уверен, – честно признался Великий Господин. – Я разработывал заклинание в большой спешке и главным критерием была надежность укрытия. Вполне возможно, что, даже приняв Золотой Корень, вы не сможете полностью вернуть свою личность и свою память. Но я верю в огонь вашей ненависти!

– Способности подскажут нам правильный путь! – твердо заявила Лазь.

– Путь Кадаф!

– Проклятая кровь твоих наложниц, господин, не сможет идти другой дорогой, – добавила Тасмит.

– Первая из нас, которой удастся переродиться по-настоящему, разыщет остальных, и мы вновь встанем у твоих ног, воплощение ненависти, – вставила свое слово Гуля.

Три пары золотых гиперборейских глаз преданно смотрели на повелителя. Три пары глаз, и покорность переплеталась в них с такой лютой ненавистью, которую могла разжечь в сердце человека только философия Кадаф.

///

Зарницы полыхали всю ночь.

Всю ночь, в течение которой остатки армии Азаг-Тота сдерживали яростные атаки Великих Домов. Всю ночь, в течение которой Носящий Желтую Маску проводил сложнейший обряд, укрывая трех наложниц Великого Господина.

И только после того, как три женщины, три обыкновенные женщины, глаза которых не имели следов золота Кадаф, смешались с остальными рабынями, а Носящий Желтую Маску уничтожил все следы своего аркана, только после этого Азаг-Тот дал приказ отступить.

Исчезла несокрушимая армия.

Исчезли двадцать башен ониксового замка Кадаф. Исчез Азаг-Тот, сумевший укрыться от ярости Великих Домов. Исчезли наложницы.

Берега Сейд-озера были выжжены. Все гиперборейцы, не успевшие уйти в Глубокий Бестиарий, были уничтожены, а их рабыни достались победителям.

///

...Вы придете, ибо так повелел я!

Вы придете, ибо нет на свете силы, способной переломить мое пророчество!

Вы придете и будете со мной в годину славы или в минуту опасности. Вы придете, чтобы править вместе со мной. Вы придете, ибо жизнь ваша – это я. Вы придете, чтобы вновь стать наложницами Кадаф, наложницами моей ненависти!

Вы придете! Это сказал я, Великий Господин Азаг-Тот, повелитель Гипербореи, воплощенная ненависть этого мира!..

Глава 1

«Продолжаются аресты участников раскрытой майором Корниловым сети производителей и распространителей синтетических наркотиков. По сообщениям пресс-службы Московского управления полиции, руководитель преступной организации, бывший депутат Государственной думы Езас Крысаулас дает показания, которые привели к массовым облавам в ночных клубах и...» («МК»)

«Наблюдатели с тревогой отмечают наметившееся в Тайном Городе похолодание, которое возникло после триумфального решения проблемы тварей Кадаф. Напомним, что благодаря консолидированным усилиям всех Великих Домов боевым магам удалось ликвидировать вырвавшегося из Глубокого Бестиария Ктулху, Погонщика рабов Азаг-Тота, и перерожденную наложницу Великого Господина Веронику Пономареву. Однако в настоящее время имеют место серьезные разногласия между Орденом и Зеленым Домом, суть которых до конца не ясна...» («Тиградком»)

* * *

***Зеленый Дом, штаб-квартира Великого Дома Людь
Москва, Лосиный Остров, 2 августа, четверг, 11:07***

Конференц-зал Зеленого Дома был полон. С одной стороны большого стола, протянувшегося вдоль всего помещения, разместились семь жриц, величавых и немного чванливых, какими и должны быть высшие маги Великого Дома. Их одинаковые и очень простые зеленые платья приятно гармонировали с обтягивающим стены оливковым шелком. Напротив жриц важно расселись семь баронов, управляющих доменами Зеленого Дома. Кряжистые, белокурые, с одинаковыми мутно-зелеными глазами, они по обыкновению хмурились, всем своим видом показывая, что без их слова ни одно решение не будет принято. В Великом Доме Людь способности к магии проявлялись только у женщин, верховная власть, таким образом, также находилась в их руках, и баронов постоянно терзали подозрения, что их присутствие на советах не более чем дань традиции. В обычных случаях так и происходило, но сегодняшний вопрос был необычайно важен, а потому королеву Всеславу, занимавшую кресло во главе стола, действительно интересовало мнение каждого члена совета. Поэтому она приказала провести совещание не как обычно, в тронном зале, а в этом помещении, надеясь, что деловая атмосфера позволит членам совета раскрепоститься и настроиться наилучшим образом.

Ведь ошибиться было нельзя.

– Таким образом, мы не можем и дальше тянуть время, – подвела итог воевода дружины Дочерей Журавля Милана. – Орден настаивает на немедленных объяснениях и наше молчание только выведет рыжих из себя. Нужно принимать решение.

Воевода поклонилась и заняла свое место.

– Чуды закусил удила, – осторожно произнесла Мирослава, самая старая жрица Зеленого Дома. – Осознание мощи ударило им в головы.

– Рыжие забыли, что имеют дело с Великим Домом, – добавил барон Станислав. – Кстати, нельзя ли чуть подробнее осветить ситуацию?

Барон, как и многие другие участники совещания, не принимал участия в бурных событиях предыдущего дня, а потому резкие высказывания в прессе лидеров Ордена стали для него неожиданностью.

– Справедливое замечание, – негромко заметил сидящий по правую руку королевы барон Мечеслав, повелитель домена Сокольники. Плечистый красавец со шрамом на шее, он был фаворитом Ее величества, но никогда не забывал напоминать Всеславу об интересах баронов.

Королева улыбнулась:

– Воевода Милана, пожалуйста, опишите Большому королевскому совету картину происходящего.

Белокурая воевода высокомерно посмотрела на Мечеслава, но вновь поднялась на ноги:

– Эта история началась вчера утром, после того как заурядная человекская женщина по имени Вероника Пономарева открыла врата Нанна и вызвала из Глубокого Бестиария Ктулху, Погонщика рабов Азаг-Тота.

– Как заурядной человекской женщине удалось открыть врата в Глубокий Бестиарий? – перебил Милану барон Станислав.

– Дальнейшее расследование выявило, что Вероника Пономарева являлась перерожденной наложницей Азаг-Тота, одной из трех гиперборейских ведьм. – Воевода элитного подразделения Зеленого Дома никак не дала понять барону, что с вопросами нужно повременить.

– Во время последней войны Кадаф Азаг-Тот спрятал своих наложниц среди пленниц и запрограммировал их перерождение в каждом третьем поколении, – добавила Мирослава. – Мы не способны вычислить их.

– Хорошо, – буркнул Станислав. – Вычислить их нельзя, но ведь магические способности не скроешь...

– Переродившись, наложница не сразу обретает прежние способности, – объяснила жрица. – Она как бы спит, и для того, чтобы обычная женщина стала гиперборейской ведьмой, необходим особый толчок.

– Что за толчок?

– Золотой Корень, – вернула себе слово Милана. – Как вы помните, уважаемый барон, магическая школа гиперборейцев построена на этой культуре. Начав принимать Золотой Корень, Вероника Пономарева завершила цикл перерождений и превратилась в ведьму высочайшего класса.

– А каким образом к ней попал Золотой Корень? – осведомился барон Святополк и ехидно добавил: – Неужели хваны приторговывают на сторону?

После разгрома Азаг-Тота Великие Дома поставили производство Золотого Корня под самый жесткий контроль, доверив его выращивание четырехруким хванам, беспощадным убийцам, не уступающим, по общему мнению, даже гаркам Темного Двора. Плантации культуры находились на Алтае и их охрана могла соперничать с охраной штаб-квартир Великих Домов.

– Ответ на этот вопрос является ключевым для понимания всей картины, – спокойно ответила воевода. – Дело в том, что челы сумели синтезировать Золотой Корень.

– Спящий побери эту семейку! – выругался Станислав. – Для чего они это сделали?

– Это была случайность, – продолжила Милана. – Талантливый человекский фармаколог занимался разработкой синтетического наркотика и вывел формулу Золотого Корня. Он назвал новый наркотик «стим», запустил в производство и принялся снабжать им городские притоны. Вероника Пономарева была наркоманкой, произошло дальше – понятно.

– Цепь случайностей, на которую рассчитывал Азаг-Тот, замкнулась, – тихо произнесла королева Всеслава. – Гиперборейская ведьма переродилась и открыла врата в Глубокий Бестиарий.

– Хорошо, что ей удалось вытащить только Ктулху, – пробормотал Мечеслав.

– Которого доблестная Милана успешно ликвидировала, – закончил Святополк.

– Не я, – нехотя призналась воевода. – Погонщика рабов и ведьму уничтожили Кортес и Сантьяга.

– Главное, что уничтожили, – подвел итог барон. – Я, признаться, не совсем понимаю, почему наша королева созвала Большой совет? Чего хотят эти глупые чуды?

Милана поджала губы.

– Вы пропустили самое главное, уважаемый Святополк, – негромко проговорила Всеслава. – Челы научились синтезировать Золотой Корень.

– И что? – Барон недоуменно посмотрел на повелительницу, а затем его кустистые брови понимающе расплзлись. – Синтезировать? Это значит – не выращивать?

– Совершенно верно – не выращивать, – с трудом скрыв улыбку, подтвердила Милана. – Челы сумели получить Золотой Корень химическим методом.

– Вы, несомненно, помните, барон, что, согласно действующим в Тайном Городе договоренностям по Кадаф, хваны ежегодно выращивают ровно столько Золотого Корня, чтобы хватило на один литр концентрата, – старая Мирослава терпеливо разъяснила Святополку ситуацию. – Этот литр делится между Великими Домами и семьей Эрли, и каждый гран тщательно учитывается. А челы теперь могут производить столько Золотого Корня, сколько захотят.

– Неприятная ситуация, – выразил свои чувства барон и посмотрел на сидящего рядом Мечеслава. – Вы не находите?

Повелитель домена Сокольники сдержанно кивнул.

За всю историю Земли единственными, кто научился использовать магические свойства Золотого Корня с пользой для себя, были человеческие колдуны гиперборейского клана. Азаг-Тот, Великий Господин Гипербореи, сумел основать на нем целую магическую школу, ни в чем не уступающую школам Великих Домов. Вот только ученики Азаг-Тота, иерархи Кадаф, настолько мутировали под действием Золотого Корня, что даже перестали считаться челами. Тем не менее это не помешало им объединиться с другими колдовскими кланами для войны за власть над миром. После победы, в которую гиперборейцы внесли существенный вклад, Азаг-Тот попытался распространить свою власть по всей Земле, однако прежние союзники призвали на помощь Великие Дома и в ходе двух кровопролитных войн сумели уничтожить Гиперборею. Сам Азаг-Тот бежал и лишь совсем недавно был нейтрализован магами Тайного Города, но существенная часть его армии, а также почти все ученики успели укрыться в Глубоком Бестиарии, легендарной гиперборейской колыбели, где ждали своего часа.

– Массовое производство Золотого Корня может сместить все карты на столе Тайного Города, – произнесла Милана.

– Массовое производство Золотого Корня выгодно Великому Дому Людь! – перебил воеводу барон Станислав. – Если я правильно представляю ситуацию, для навов он смертелен?

– В определенных количествах.

– А для чудов является наркотиком? – Станислав был моложе барона Святополка и быстрее разобрался в деталях.

– Смертельно опасным наркотиком, – подтвердила Милана. – В зависимости от особенностей организма, чуды становятся полными кретинами после десяти-двадцати приемов.

Даже вымуштрованные и гордые командоры войны не могли преодолеть искушение перед отравой, и Орден наиболее рьяно ратовал за запрет Золотого Корня.

– В таком случае, я не понимаю причины беспокойства, – рассмеялся Станислав. – Великий Дом Людь – единственный, кто может извлечь пользу из сложившейся обстановки.

На обитателей Зеленого Дома Золотой Корень действовал двояко. Прием концентрата приводил к резкому усилению колдовских способностей людов, они появлялись даже у мужчин, генетически неспособных к магии, но одновременно концентрат вызывал ускоренное старение организма. Во время некоторых войн Зеленый Дом накачивал дружинников Золотым Корнем, превращая их в боевых магов, но делал это, как правило, от безысходности, в самых тяжелых ситуациях, и добровольцы, согласившиеся на прием концентрата, знали, что будущего у них нет.

– А мы и не беспокоимся, – веско возразила королева Всеслава. – Вы не дослушали до конца, барон.

– «Стим», полученный челами, является наиболее чистым концентратом Золотого Корня из всех известных, – громко произнесла Милана. – Это во-первых. А во-вторых, «стим» не вызывает истощения организма.

– Это точные данные? – чуть помолчав, спросил барон Станислав.

– Абсолютно, – подтвердил Мечеслав.

Королева только кивнула. Она понимала, что повелителям доменов необходимо получить подтверждение от одного из них. Мечеслав откашлялся:

– У меня нет оснований не доверять проведенным исследованиям.

– Власть. – Голос Станислава прозвучал буднично, поскольку барон еще не до конца поверил в то, что услышал. – Мы можем получить власть над Тайным Городом.

– Удвоить количество боевых магов, – поддержал коллегу барон Святополк. – Дружины перейдут на качественно новый уровень!

– Орден и Темный Двор уйдут в историю!

– Теперь я понимаю, почему чуды закудахтали! – расхохотался Станислав.

– Не все так хорошо, уважаемые бароны, – вздохнула Всеслава. – Милана, заканчивай выступление.

Разбушевавшиеся бароны послушно замолчали. Воевода Дочерей Журавля поправила украшающий правое запястье браслет. Было видно, что несгибаемая Милана чуточку нервничает.

– Узнав о появлении синтезированного Золотого Корня, мы, разумеется, предприняли экстренные меры для того, чтобы овладеть технологией его производства, – сообщила воевода. – Мы вычислили местонахождение фабрики, но к сожалению... – Милана вновь потеребила браслет. – К сожалению, к моменту нашего появления там оказались боевые группы других Великих Домов. И если Сантьяга был занят уничтожением Ктулху, то рыцари успели проникнуть на склад и захватили все запасы «стима». – Снова пауза. – Около двадцати литров.

– Что досталось нам? – поинтересовался помрачневший Святополк.

– Лаборатория по его производству. – Милана помолчала. – И Геннадий Монастырев – чел, сумевший синтезировать Золотой Корень.

– Не так уж мало, – приободрился Станислав. – Главное, что мы можем наладить производство «стима»!

– Не сразу, – вздохнула воевода. – В ходе битвы в лаборатории были случайно уничтожены компьютеры, все записи пропали. Мы эвакуировали в Зеленый Дом оборудование, но как его использовать – неизвестно.

– А этот чел? Изобретатель?

– Монастырев попал под удар «шаровой молнии» и в настоящий момент находится в коме. Извлечь какие-либо сведения из его памяти не представляется возможным.

Лица участников Большого королевского совета вытянулись. Одно дело – идти на конфликт с Орденом, располагая работающей лабораторией, и совсем другое – ввязываться в войну с неясными перспективами.

– Насколько быстро мы сможем вылечить Монастырева?

– Мы делаем все возможное, – подала голос Мирослава. – Как вы понимаете, мы не можем обращаться к эрлийцам, а сами... – Старуха развела руками. – Не меньше двух-трех дней. Может быть, пять.

– Пять дней – это не срок, – буркнул Станислав.

– Вряд ли чуды дадут нам это время, – заметила Всеслава. – Они наглеют с каждым часом.

– А Темный Двор?

– Пока молчит.

– Выжидают!

– Наши аналитики считают, что навь не стремится форсировать события из-за собственной слабости! – громко заявила Милана.

Королева удивленно изогнула бровь:

– Объясните.

– Прошу прощения, Ваше величество, что не поставила вас в известность раньше, – склонилась в поклоне воевода. – Я получила доклад буквально за минуту до начала совета.

– Мы с удовольствием выслушаем его.

– Сомнения у нас появились уже во время первого боевого столкновения с тварями Кадаф. Пытаясь выиграть время, Ктулху направил против нас Закатную Саранчу, и Сантьяга, несмотря на активную поддержку лучших боевых магов Тайного Города, не только не сумел быстро уничтожить ее, но и упустил Погонщика. И это при том, – огромные зеленые глаза Миланы обежали присутствующих, – что комиссар Темного Двора – один из немногих магов, принимавших непосредственное участие в войнах Кадаф.

– Одна осечка ничего не означает, – пробубнил Святополк. – В конце концов, именно Сантьяга уничтожил Ктулху.

– Благодаря хитрости, а не силе! – парировала воевода. – Комиссару удалось заманить Погонщика в ловушку, где решающий удар нанес Кортес! Лучшие аналитики и предсказатели Зеленого Дома просчитывали поведение Сантьяги всю ночь, и их вывод таков: комиссар делал хорошую мину при плохой игре! Он не был готов к сражению с иерархом Кадаф.

– Сантьяга – отличный барометр состояния Темного Двора, – задумчиво произнесла Мирослава. – Если высший боевой маг князя пребывает не в лучшей форме, значит...

– Значит, мощности Источника навов не хватает! – перебил старуху Станислав. – Темный Двор переживает спад!

Колдовство, как и любое другое действие, также требует энергии. Особой, магической энергии, которую Великие Дома получали из древних Источников, в работе которых случались периодические сезонные спады, оставляющие магов на голодном пайке. Генетические различия позволяли колдунам использовать только «свою» энергию, и их состояние лучше всего показывало положение дел в Великом Доме. А поскольку никто не знал природу Источника навов, то в данном случае это был вообще единственный показатель.

– Поэтому они не спешат поддерживать претензии чудов!

– А должны были бы, – вставил Мечеслав. – Когда ты слаб, нужно искать союзников.

– Навь пытаются избежать войны! – махнул рукой Станислав. – Они никому не хотят показывать свою слабость.

– Если Темный Двор вне игры, – жестко усмехнулась Всеслава, – чуды вряд ли рискнут связываться с нами в одиночку. Станут просто тявкать.

– И у нас будет пять дней на то, чтобы привести в чувство Монастырева и запустить производство «стима»! – радостно закончила Милана.

Королева величественно поднялась с трона:

– Выслушав все мнения, мы предлагаем затягивать переговоры с чудами относительно выдачи Монастырева и лаборатории, используя для этого любые предлоги. Приложить максимум усилий для скорейшего выздоровления Монастырева. Через пять дней еще раз провести Большой королевский совет с целью корректировки действий. Все ли согласны с этим решением?

– Да!

И только барон Мечеслав задумчиво погладил старый шрам на шее:

– А почему никого не интересует, что случилось с Вероникой Пономаревой?

– Она погибла, – чуть высокомерно бросила Милана.

– Кто это сказал?

– Сантьяга.

И распаленная принятым решением воевода тут же отвернулась, полностью позабыв о сомнениях барона.

* * *

муниципальный жилой дом

Москва, набережная Тараса Шевченко, 2 августа, четверг, 14:01

Голод. Странный голод терзал ее плоть, властно требуя пищи. Она уже съела целую тарелку спагетти с грибным соусом, сейчас приканчивала бутерброды с найденной в холодильнике колбасой и размышляла, не поставит ли варить еще одну кастрюлю макарон. Еще два дня назад после такого обеда она бы лежала без движения по меньшей мере полдня, если бы вообще сумела впихнуть в себя столько еды, а теперь никак не могла унять голод. Пришпоренный Золотым Корнем организм требовал энергии.

«По крайней мере, это никак не отразится на фигуре», – улыбнулась девушка, поглаживая бритую голову, по правой стороне которой змеилась причудливая черная татуировка.

Приткнувшийся на холодильнике телевизор продолжал бубнить, усиливая и без того плохое настроение, и Вероника схватила пульт:

– Да заткнись, ты, трещотка!

Но остановилась, привлеченная передаваемыми новостями.

– За последние два дня в больницы города поступило не менее десятка наркоманов с одинаковыми симптомами: жуткая, сопровождающаяся яростной агрессией ломка, приводящая в дальнейшем к полному параличу. – На экране появилось изображение бьющегося в истерике молодого парня с длинными сальными волосами. Его с трудом удерживали трое здоровенных санитаров.

– Мы не понимаем, что происходит, – угрюмо глядя в объектив, сообщила женщина в белом халате. В нижней части экрана появились титры: главврач наркологического отделения известной больницы. – Пациентов доставляют в состоянии крайнего возбуждения, вызванного отсутствием наркотика. Это понятно. Но стандартный комплекс мер, применяемый медициной в подобных случаях, не действует. Через три-четыре часа после начала приступа у пациентов наступает мышечный паралич, а затем – кома.

– Были зафиксированы смертельные случаи? – поинтересовался репортер.

– Да, – после паузы ответила женщина. – Мы уже потеряли трех человек. Интенсивная терапия, реанимация – ничего не дает результата. Они просто выключаются.

– Можно ли говорить, что это новая болезнь? Вирус?

– Маловероятно, – покачала головой женщина. – Мы успели опросить двух пациентов и узнали, что они употребляли новый синтетический наркотик, «стим». Нам ничего не известно об этом препарате, но мы подозреваем, что дело именно в нем.

– Он убивает?

– Любой наркотик убивает.

Интервью закончилось, на экране появился репортер, стоящий на фоне больницы:

– Итак, в городе появился новый, смертельно опасный наркотик. Насколько он распространен? Кто его распространяет? Что предпринимает полиция?

Вероника выключила телевизор и медленно подошла к окну, из которого открывался великолепный вид на величавую Москву-реку.

«Мышечный паралич, затем кома. Врач забыла упомянуть еще один симптом: золотые глаза. Полностью золотые, лишённые белков и зрачков, когда «стима» много. Золотая радужная оболочка, когда «стима» почти нет. И снова полностью, когда обезумевший от его отсут-

ствия организм впадает в ломку. Вытаращенные глаза длинноволосого наркомана буквально сочлились холодным золотом Кадаф, он был даже не на грани – за ней. И никто не выведет его оттуда.

«Стим».

Без него – смерть. Люди в белых халатах не знают самого главного: «стим» не наркотик, его попадание к драгдилерам – случайность. Да, он дает кайф, но требует взамен слишком многого...

Девушка развела руки, поднялась на цыпочки, вытянув в струну стройное сильное тело, и легко повернулась вокруг оси. Наслаждаясь идеальной координацией и ловкостью.

Фабрика разгромлена, а значит, у этих торчков, решивших по глупости вмазаться новой дурью, нет шансов – Великие Дома не дадут им ни грамма «стима». Ни грамма Золотого Корня. А без него организм, хоть раз попробовавший древнюю отраву, не выживет. Ничей организм. Даже организм гиперборейской ведьмы.

Именно благодаря «стиму», разработанному гениальным фармакологом московского наркобизнеса, обычная девушка Вероника Пономарева обрела свою подлинную сущность, узнала, что является перерожденной Тасмит, одной из трех наложниц Великого Господина Азаг-Тота. Благодаря «стиму» она получила колоссальные способности чистокровной гиперборейской ведьмы и магическую силу, открыла врата в Глубокий Бестиарий и вызвала Ктулху.

И потеряла все.

Прошлая жизнь растаяла, да девушка и не смогла бы вернуться к ней. А вот будущее было совершенно неопределенным. Сейчас Великие Дома считают ее мертвой, но...

Вероника открыла стоящую на столе сумочку и посмотрела на четыре ампулы с прозрачной жидкостью.

«Одного укола в неделю вполне достаточно. Значит, у меня есть месяц. А что будет потом?»

А потом заблуждение Великих Домов станет реальностью, и серая муниципальная труповозка отправит в городской морг еще одну наркоманку, скончавшуюся от странного мышечного паралича и вызванной им комы. И врачи будут с удивлением разглядывать ее золотые глаза.

«Нужно искать друзей».

«Наша сила заключается в нашей ненависти! Она увлекает слабых и сомневающихся! Она ведет вперед! Найди тех, кто разделит с тобой яростный огонь ненависти, и тебе не будет равных!»

ТРЕТЬЕ ОТКРОВЕНИЕ АЗАГ-ТОТА

– Никто не хочет умирать в одиночестве, – прошептала девушка. – И нет смысла ждать месяц, чтобы сдать, – события должны разворачиваться стремительно.

– Ты что-то сказала? – Вовчик наконец покончил с телефонными делами и появился в гостиную.

– Да так, – слабо улыбнулась Вероника, – бормочу про себя.

Она подняла на Вовчика золотые глаза, прищурилась, медленно провела рукой по бритой голове, отчего ее высокая грудь, подчеркнутая тонкой тканью блузки, пришла в движение и, с трудом подавив брезгливость, спросила:

– Можно я у тебя переночую?

– Сегодня?

Она увидела вспыхнувшие глаза Вовчика и едва ли не физически почувствовала скользящий по телу жадный, раздевающий взгляд. Вероника знала, что всегда нравилась ему и не сомневалась в ответе.

- Оставайся, – кивнул Вовчик. – Буду рад. – Он помолчал. – Мне надо уехать по делам, а вечером... Может, сходим куда-нибудь?
- Давай потом. – Девушка небрежно одернула блузку. – Завтра?
- Договорились. – Вовчик помялся в дверях. – Знаешь, мне нравится, как ты теперь выглядишь. Ты царственно эротична.
- Правда? – Ведьма подошла к мужчине и скользнула губами по его щеке: – Спасибо.

* * *

*Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Навь
Москва, Ленинградский проспект, 2 августа, четверг, 15:12*

В отличие от совещания в Зеленом Доме, обсуждение ситуации в Темном Дворе проводилось в традиционном месте – в личном кабинете князя. Повелитель Нави был консервативен в мелочах. И в одежде: его глухой черный плащ, с обязательным капюшоном, надвинутым на лицо, не менялся веками. И в мебели: скудная обстановка кабинета состояла из простого деревянного кресла с высокой спинкой и стола, край которого едва проступал в окутавшем помещение мраке. И только белое пятно человеческого костюма Сантьяги вносило в царство тьмы игривые нотки.

– Уверен, люди будут затягивать время, стараясь привести в чувство Монастырева и разобраться в синтезе «стима», – высказал мнение комиссар, удобнее устраиваясь на краешке столешницы. – Слишком уж лакомый кусок мы им подсунули.

– Орден? – глухо поинтересовался князь.

– Аналитики дают семидесятипроцентную вероятность, что чуды не отступят и будут требовать от зеленых отчета по лаборатории вплоть до объявления ультиматума, – сообщил Сантьяга. – В случае использования нами Вероники Пономаревой эта цифра достигнет восьмидесяти трех процентов, а если мы еще чуть-чуть постараемся, то вероятность войны между Орденом и Зеленым Домом составит девяносто восемь процентов.

– Ты предпринял шаги в отношении Вероники?

– Разумеется. Она отправится к рыцарям не позднее завтрашнего утра.

– Не рановато?

– У ведьмы осталось четыре ампулы «стима». Она не будет ждать месяц, чтобы сдаться.

События должны разворачиваться стремительно.

Повелитель Нави помолчал.

– Мне нравится, как развиваются события.

– Мне тоже, – в тон князю ответил Сантьяга.

Лидер Темного Двора слегка качнул капюшоном:

– Что-то не так?

– Если все пойдет по нашему плану, в Тайном Городе развернется небольшая, но кровопролитная война между Великими Домами, причем один из них призовет на помощь гиперборейцев.

– Тебя это не устраивает?

– Мне бы хотелось знать, как мы будем останавливать бойню? – улыбнулся комиссар. –

Твари Кадаф имеют неприятную особенность – они плохо умирают.

– Насколько я знаю, Ктулху ликвидировал обычный чел.

– Исключительно благодаря моей помощи.

– Не важно.

– Важно, если мы не хотим жертвовать слишком большим количеством воинов. Меня, как вы понимаете, это сильно волнует.

Князь засопел:

– Думаешь, меня – нет? Но это война.

– Не наша, – подчеркнул Сантьяга. – Раз уж мы решили столкнуть лбами рыжих и зеленых, то пусть они и несут основные потери. В конце концов, не в этом ли заключался план?

– Какие варианты?

– Вы не будете против, если я украшу разработанную схему двумя-тремя маленькими интригами, – лениво протянул комиссар. – Они позволят чудам и людям умереть в больших количествах, чем предполагалось изначально, а заодно помогут решить проблему нейтрализации тварей Кадаф.

– Основной план не пострадает?

Ловкость комиссара Темного Двора в создании «маленьких интриг» не уступала его фехтовальным навыкам и князь не сомневался в ответе.

– Ни в коем случае.

– Тогда действуй.

– Хорошо, – кивнул Сантьяга, слезая со стола. – С завтрашнего дня я запущу пару своих разработок.

– Почему не сегодня? – поинтересовался князь.

– Сегодня я занят.

– Чем?

Комиссар удивленно посмотрел на повелителя:

– Разве вы не знаете? Сегодня день больших гонок.

* * *

Москва, 75-й километр МКАД, 2 августа, четверг, 16:30

По традиции, местом сбора знаменитых на весь Тайный Город ежегодных гонок «Сто километров Мурция» являлась маленькая площадка, неподалеку от пересечения МКАД и Ленинградского шоссе. Именно сюда съезжались участники и строго ограниченное число их друзей – размеры закутка не позволяли устраивать массовое паломничество, поэтому обычные болельщики довольствовались прямой трансляцией в баре «Три педали», управлял которым все тот же Мурций Чейз.

Стартовую площадку плотно оккупировали дорогие спортивные купе, у которых сутились механики и владельцы, шныряли букмекеры, болельщики обсуждали шансы, а рядом, на обочине, сиял огромный экран. К сожалению, лицезреть это великолепие могли только свои: чтобы не привлекать ненужного внимания, концы окутали площадку мороком, и проносящиеся мимо автомобилисты видели только оранжевый забор да дорожных рабочих, уныло ковыряющих асфальт. Привычный московский пейзаж...

– Букмекеры всерьез думают, что братья Хамзи составят нам конкуренцию, – презрительно сообщила красавица Милана своему штурману, обер-воеводе Воляне. – Звучит оскорбительно.

– В прошлом году шасы пришли вторыми, – осторожно напомнила Воляна.

– Им повезло, – махнула рукой воевода Дочерей Журавля. – Гюнтер так расстроился, когда мы вырвались вперед, что пропустил их атаку.

Огромные зеленые глаза Миланы нашли на площадке двух чудов, командоров войны Гюнтера Шайне и Теодора ле Мана. Рыжеволосые рыцари негромко переговаривались, стоя у серебряного «Випера» и периодически поглядывали в сторону соперниц. Впрочем, в этом не было ничего странного: в Тайном Городе небезосновательно считали, что Милана не уступает

в красоте самой королеве. Во всяком случае, она была свободна, молода и предпочитала яркую одежду, подчеркивающую восхитительную фигуру.

– А какие ставки на чудов? – спросила обер-воевода.

– Какая разница? – Милана весело рассмеялась. – Два самовлюбленных неудачника! Мы сделаем их на одном колесе! Наша девочка уже рвала их змею, порвет и сегодня!

Колдуньи выступали на черной, как безлунная ночь, «Ламборджини Диабло», завоевали Золотой кубок в прошлом году и считались главными претендентами на победу в этом сезоне.

///

– Выключай! – махнул рукой Кортес и захлопнул капот ярко-красного «Ауди ТТ». – Нормально.

– Неужели? – язвительно усмехнулся Артем. – И как ты это определил?

– На слух, – пожал плечами наемник. – Двигатель работает так, как должен, никаких посторонних шумов.

– Гениально, – рассмеялся Артем. – Метод запатентован?

– Это уникальное ноу-хау, доступное исключительно одаренным людям.

– И насколько ты одарен?

– Музыкальная школа по классу фортепиано, плюс два курса консерватории заочно, – зевнул Кортес. – Знаете, мальчик, в мои времена, помимо гамбургеров и Голливуда, существовали настоящие ценности.

– Получил? – улыбнулась выбравшаяся из «Ауди» черноволосая красавица Яна.

Артем засопел: Кортес был старше всего на восемь лет, но иногда эти годы казались веками. Во всяком случае, жизненный опыт наемника, успевшего послужить в военной разведке, не шел ни в какое сравнение с тем, что удалось впитать Артему. Впрочем, молодой человек быстро учился.

– Зачем ты пошел в музыкальную школу?

– Чтобы отличать фугу от ноктюрна, – объяснил Кортес.

– Зачем?

– Чтобы не выглядеть дураком.

– Темка, – Инга, последний член знаменитой команды наемников Кортеса, нежно положила руку на плечо молодого человека, – мы все знаем печальную историю о стаде медведей, которое оттоптало тебе уши еще в младенчестве. Так что не обижайся.

И нежно поцеловала Артема в щеку.

Невысокая, с гладкими рыжими волосами, она, как и Яна, была одета в бежевый комбинезон. На первый взгляд Инга выглядела слишком маленькой, едва ли не слабенькой, но огонь, пылающий в темных, почти черных глазах, отчетливо указывал, что энергии этого чертенка могут позавидовать профессиональные спортсмены. К тому же она была единственным магом в команде Кортеса.

– Не надо стыдиться, что барабан – твой любимый музыкальный инструмент, – засмеялась Яна, сверкнув пронзительно-синими глазами.

– От этого ты не становишься менее замечательным, – закончила Инга.

– Да я знаю. – Артем обнял девушку за талию. – Кто хочет кофе?

– Скоро старт.

– Еще двадцать минут. – Наемник достал термос. – Взбодритесь.

Он наполнил горячим напитком пластиковые стаканчики.

– Много участников, – буркнул Кортес, окинув взглядом площадку. – В том году было меньше. Мурцию нужно быть скромнее.

Устроитель гонок, нервно поглядывая на часы, прогуливался вдоль обочины. Он был наряжен в элегантный черный фрак, ярко-желтую в синий горошек сорочку и блестящие красные ботинки. Как все члены семейства концов, Мурций генетически не был способен одеваться строго.

– Это лучше, чем скоростные заезды по ночным улицам, – ответила Инга, на лице которой появился румянец. – Выиграть «Сто километров» почетно.

– И выгодно, – добавила Яна. – Кортес, ты уже решил, сколько поставишь на нас?

– А ты уверена, что победишь?

– Что бы иначе я здесь делала? Я хочу победить!

– Мы хотим! – вставила Инга.

Кортес и Артем переглянулись.

Правила «Ста километров Мурция» были на удивление просты: гонки всегда проводились в будний день и участникам предлагалось как можно быстрее обогнуть МКАД, используя исключительно мощь автомобиля и собственное мастерство вождения. Единственной разрешенной магией было заклинание портала, но экипаж имел право преодолеть с его помощью не более двух миль, за чем строго следили маршалы. Кроме того, организаторы гонок позаботились о душевном спокойствии дорожной полиции: около каждого патруля ДПС располагались агенты, которые отводили глаза полицейским при приближении гонщиков. Если наличие на дороге плотного потока машин являлось особой изюминкой, ради которой и затевались соревнования, то ставить на уши стражей порядка считалось неприличным: баррикады на трассе и разборки с властями в планы устроителей не входили.

– Вы что, не верите в нас? – холодно осведомилась Яна.

– Верим, – Артем постарался ответить максимально искренне.

– Или вы думаете, что кто-нибудь из этих, – девушка пренебрежительно махнула рукой в сторону площадки, – сможет нас опередить?

Артем глотнул кофе и оглядел конкурентов.

Помимо неугомонных девчонок, готовящихся стартовать на ярко-красном «Ауди ТТ» Яны, «Сто километров Мурция» собрали лучших гонщиков Тайного Города. Наибольшее внимание привлекали две ослепительные блондинки: Милана и Воляна, ее штурман. Их зеленые глаза обозревали остальных участников гонок с нескрываемым превосходством.

Вторыми фаворитами, без сомнения, являлись чуды. Рыцари командоры войны Гюнтер Шайне и Теодор ле Ман пригнали на старт «Крайслер Випер» и, судя по плотно сжатым губам и скупым фразам, были полны решимости вернуть титул, отобранный у них белокурами красавицами.

Последними претендентами, на которых букмекеры принимали самые высокие ставки, были шасы, братья Хамзи: Биджар, управляющий самым большим супермаркетом Торговой Гильдии, и посвятивший себя науке Улар. Братья участвовали в соревновании на принадлежащем Биджару темно-зеленом «Астон Мартин» и в прошлом году заняли второе место, пропустив вперед Милану и Воляну.

Среди остальных претендентов были весьма сильные экипажи: Егор Бесяев и Карим Томба на «БМВ»; Юрбек Томба, один из директоров Торговой Гильдии, на алом «Феррари Модена»; хваны Фет и Муба на «Мазератти»; барон Станислав на изумрудном «Венчуре 400»; все они зарекомендовали себя умелыми гонщиками, но их шансы расценивались гораздо ниже фаворитов. То есть так же, как шансы Яны и Инги.

– Кортес, ты участвуешь в гонке? – К «Ауди ТТ» подкатил невысокий и кругленький Тосций, известный в Тайном Городе букмекер. Оранжевая рубашка и голубой в белую полоску пиджак делали его одним из самых ярких объектов на площадке.

Наемник отрицательно покачал головой.

– Ставочку делать будем?

Кортес вздохнул.

– Что молчишь? – нахмурилась Яна.

Под ледяным взглядом ярко-синих глаз Яны Кортес достал из бумажника карточку «Тиградком»:

– Ставлю на...

– Добрый день, господа!

– Комиссар! – Яна радостно повернулась к подошедшему Сантьяге. – Не сомневалась, что вы будете здесь! За кого болеете?

Известный своей любовью к дорогим купе нав – он и сейчас подъехал к площадке на стильном «Ягуаре XJ-220» – был первым чемпионом «Ста километров Мурция». С тех пор он не принимал участия в гонках, но всегда наблюдал за ними непосредственно на МКАД.

Комиссар элегантно поцеловал руку Яне, повторил процедуру с Ингой, выпрямился и широко улыбнулся:

– За себя.

– Собираетесь стартовать?!

В глазах Яны мелькнуло разочарование, Инга тяжело вздохнула, и только Тосций заметно повеселел: основные ставки были сделаны на фаворитов, а появление в списках участников Сантьяги делало вероятность их победы более чем призрачной.

– Но почему? – не выдержала Инга. – Вы же никогда...

– Не «никогда», – поправил рыжую комиссар, – а в последнее время. Сегодня я решил испытать одну занятную машинку.

И нав кивнул на грузовичок, с которого механики осторожно скатывали приземистый темно-синий «Бугатти». Любопытные владельцы других купе бросали завистливые взгляды на новую игрушку комиссара.

Кортес уважительно присвистнул:

– Вам надоел «Ягуар»?

– Отнюдь, – рассмеялся Сантьяга. – Решил посмотреть, на что способен этот итальянец.

– Господа участники, прошу на старт!! – Мурций взглянул на часы и взял в руки микрофон. Огромный экран на обочине ожил, а со стороны Химок вынырнул и завис над МКАД легкий вертолет: его пилотам предстояло сопровождать гонщиков и предупреждать об изменениях на трассе.

– Пора! – Инга и Яна торопливо бросились к «Ауди».

– Удачи! – крикнул им вслед Артем, но расстроенные девчонки лишь махнули в ответ.

– Так что, господа, ставочки делать будем? – снова влез Тосций. – После старта не принимаем, правила-с.

– На Яну и Ингу, – буркнул Кортес, протягивая букмекеру карточку «Тиградком». – Второе место. Пятьдесят тысяч.

– И с меня пятьдесят, – добавил Артем.

– На что только не пойдешь ради женщин, – захихикал конец. – Сто тысяч на ветер!

Трое из обслуживающих гонку маршалов приняли облик полицейских и быстро остановили идущий по МКАД поток, давая возможность участникам построиться для старта.

– А каковы шансы у наших девчонок? – небрежно спросил Кортес.

– На второе место? – Тосций сверился с карманным компьютером. – Один к пяти.

– Тебе придется расстаться с целой кучей денег, – невозмутимо заключил наемник и потрепал конца по плечу. – Не повезло.

Тосций задумался.

///

– Весело! – расхохоталась Яна, выворачивая руль. – Как же это весело!

Ярко-красный «Ауди» стремительно обошел справа ползущую в третьем ряду старенькую «Волгу», выскочил перед носом у фургона «Рено» и вновь вернулся в крайний левый ряд. Яна поправила специальные очки, выданные всем участникам гонок, и сильнее надавила на акселератор. На прозрачных стеклах очков отображалась необходимая водителю информация: расстояние до финиша, до окружающих машин и их скорость. Все остальные сведения поступали на компьютер, за которым присматривала Инга.

– Что у нас происходит?

– Для первых десяти миль неплохо, – отрапортовала рыжая. – Мы идем на твердом седьмом месте.

– Отставание?

– Где-то в сотне ярдов впереди болтается Егор Бесяев на своем «БМВ».

Яна прищурилась:

– Вижу.

– А в затылок дышит Юрбек Томба на «Феррари».

Яна скосила глаза на зеркальце:

– И его вижу.

///

– Как девчонки? – Артем принес напарнику бутылку пива и кивнул на экран. – Что там творится?

– Мы начинаем атаковать Бесяева.

– Боремся за шестое место?

– Угу.

– А что остальные?

– Обратите внимание, что происходит среди лидеров! – замолчавший было Мурций вновь взял слово. – Смотрите, что происходит с хванами, которые сенсационно закрепились на втором месте! Смотрите!!

Фет и Муба вырвались вперед с самого старта. Едва отъехав, они нырнули в длинный, на двести ярдов, портал, позволив остальным гонщикам наслаждаться видом задних фонарей «Мазератти», и первыми нагнали идущий по МКАД поток автомобилей. Разрабатывая план гонки, хваны надеялись, что сумеют удержать преимущество за счет мастерства вождения, но появление Сантьяги спутало им все карты: комиссар сумел увидеть пустоту в крайнем правом ряду и на третьей миле обошел четырехруких.

///

– Не уйдет, – пробормотал Фет, яростно глядя на темно-синюю корму «Бугатти». – Догоним!

– На пустотах не догоним, – проворчал Муба. – У него под капотом не лошади, а драконы.

Как только перед комиссаром появлялось чистое пространство, он шутя увеличивал отрыв от хванов на десять-пятнадцать ярдов только за счет мощности двигателя.

– Догоним, – повторил Фет, выжимая газ.

«Бугатти» в очередной раз вильнул вправо, обходя плетущийся со скоростью девяносто миль в час «Мерседес», и вернулся в левый ряд.

– За ним!

– Не надо!!

Муба видел опасность и хотел предупредить напарника, что не успеет с построением портала, но опоздал. Фет ушел вправо и тут же уперся в корму гордо перемещавшегося в четвертом ряду «жигуленка», скорость которого едва дотягивала до тридцати миль в час. Вцепившийся в руль старичок, без сомнения, чувствовал себя отважным пилотом «Формулы-1».

– Уроды! – Фет снова крутанул руль. – Портал!!

В третьем ряду двигалась массивная фура, и только наспех слепленный Мубой переход позволил «Мазератти» переместиться сквозь нее еще правее.

– Еще портал!!

Теперь четырехрукие проскочили сквозь идущий в этом же ряду «Пежо», но едва они вынырнули из перехода, как перед капотом их автомобиля черной кошкой сверкнула «Ламборджини» людов: Милана перестраивалась в левый ряд и не собиралась менять планы из-за нерасторопности хванов. Фет резко вывернул руль, «Мазератти» закрутило к обочине, и только благодаря счастливому стечению обстоятельств машина четырехруких не собрала на себя идущие в потоке автомобили. Несколько секунд хваны, размахивая многочисленными руками, вертелись в потерявшем управление купе, а когда оно замерло у отбойника, еще какое-то время молча сидели, прислушиваясь к мягкому урчанию двигателя.

– Куда только полиция смотрит? – посетовал Муба. – Грузовики в третьем ряду, доходяги в четвертом и это скоростная трасса! – Он проводил взглядом проносящиеся мимо болиды участников гонки и покосился на напарника: – Мы на последнем месте?

– Еще нет! – рявкнул Фет и припустил за уходящими конкурентами.

///

– Внимание всех участников гонки! Говорит «Крыло»! Срочное предупреждение: на девяносто третьем километре МКАД обнаружена пробка, вызванная аварией! Внимание! На девяносто третьем километре МКАД пробка, вызванная аварией! В настоящее время протяженность пробки около шестисот ярдов, но она быстро увеличивается. Внимание...

– Когда мы будем там? – сквозь зубы спросила Яна, услышав предупреждение вертолетчиков.

– Минуты через две, – ответила Инга, напряженно глядя на монитор компьютера.

– Шестьсот ярдов – много, жаль портал тратить.

– Остальные не пожалеют.

– Уверена? Черт... Что делает Сантьяга?

– Приближается... – Рыжая не сводила глаз с зеленой точки, обозначающей лидера гонки. – Скорость не снижает... приближается... Он выскочил на встречу!!

За те немногие мгновения, которые у него оставались, Сантьяга успел принять совершенно невозможное решение: «Бугатти», летящий к остановившимся в пробке автомобилям с такой скоростью, что, казалось, столкновения не избежать, неожиданно вильнул влево и скрылся в возникшем портале. Через сотую долю секунды его двигатель уже ревел по ту сторону бетонного ограждения, наводя ужас на опеших водителей.

///

– Да их там не меньше десятка! – орал мужик в расстегнутой по случаю жары «гавайке». – Черт возьми, капитан, я не вру!!

– Где «там»? – лениво поинтересовался полицейский, по лицу которого было видно, что он не верит ни единому слову рассказчика.

– Где авария, блин, я по внутренней стороне шел, и вдруг навстречу машина! Низкая такая, изогнутая. Фары включены на полную, а несется так, что страшно! Я по тормозам! Она меня обогнула и дальше вилить. Не вру, капитан, не вру! Я, блин, в себя еще не пришел, а навстречу еще машины! Все спортивные! Наш поток остановился, а они – как молнии! Только свист стоит!

– И откуда они взялись? Единственный съезд на встречу вот здесь, у меня под носом, – полицейский махнул полосатым жезлом на стоящий неподалеку мост. – Или вы думаете, что я бы их не заметил?

– Я знаю откуда! – От остановившегося «Форда» к собеседникам подбежал еще один водитель. – Они пробку объезжали! Через отбойник перемахнули!

– Перепрыгнули? – кисло осведомился полицейский. – А может, их с вертолета сбросили?

– Капитан, я говорю, что видел, – владелец «Форда» с трудом сдерживался. – Я этих шутиков еще издали заметил: там склон длинный, все видно. Они по внешней стороне летели, штук десять, не меньше, словно наперегонки, а там пробка. Я оглянуться не успел, раз – и они уже на моей полосе! Мне навстречу!.. твою, капитан, не вру я!! У жены спроси – она до сих пор трясется, как эти ухаи у нас перед носом вынырнули!

Около поста ДПС остановилось еще несколько машин, водители которых, судя по вытаращенным глазам, готовились поведать полицейским не более правдоподобные истории.

Инге оставалось только молчать. Молчать и молиться, чтобы мастерства Яны хватило на преодоление этого безумного испытания. Уклоняясь от идущих навстречу машин, ярко-красный «Ауди» выписывал на чужой полосе пьяные зигзаги, но поймавшей кураж Яне этого было мало. Она понимала, что все участники гонок будут на этом участке предельно осторожны, и решила воспользоваться ситуацией, чтобы обойти нескольких конкурентов.

– Портал на тридцать!

Инга выдохнула заклинание, и «Ауди» исчез под колесами огромного грузовика, водитель которого резко надавил на тормоз. Через мгновение ярко-красная молния выскочила позади, с трудом увернулась от «шестерки», перестроилась вправо, вновь вернулась в левый ряд, уходя от очередного столкновения, зато благодаря этому финту позади остались и «Астон Мартин» братьев Хамзи, и «БМВ» Бесеяева.

– Черт!

Прямо перед носом «Ауди» выскочила «Феррари» Юрбека Томбы. Яна резко крутанула руль, еще раз, едва удерживая машину на трассе, а Томба уже нырнул в очередной портал.

– Он идет по левому и делает порталы на все встречные машины! – крикнула Инга.

– Его проблемы, – процедила Яна. – Что с пробкой?

Опомнившаяся Рыжая посмотрела через отбойник:

– Почти закончилась!

– Не спи!

– Готовься... Давай!!

Яна крутанула вправо, и «Ауди», пройдя короткий портал, вернулся на свою полосу.

– Доложи обстановку!

///

– Немногие, совсем немногие смогли прорваться через пробку на девяносто третьем километре! – Смотрящий на экран Мурций замолчал, внимательно слушая сообщения маршалов. – В настоящий момент ситуация такова: первое место по-прежнему удерживает Сантьяга, чья безумная выходка, уверен, навсегда войдет в историю наших гонок. Следом за ним идет Милана, но ее непрерывно атакует Гюнтер. На четвертом месте Юрбек Томба, обошедший братьев Хамзи, которые очень плохо прошли встречную полосу, потеряли массу времени и теперь вряд ли сумеют наверстать упущенное... Подождите минуточку... – Мурций снова прижал к уху руку. – Невероятно!! Маршалы сообщают, что, двигаясь по встречной полосе, Юрбек Томба превысил установленный лимит на перемещения в портале и будет снят с гонки!! На четвертое место сенсационно выходит человекский экипаж Яны Маннергейм и Инги Волковой! Рев, который издали Артем и Кортес, заглушил последние слова Мурция.

///

И опять тающий под колесами серый асфальт трассы, стремительные обгоны и виражи. Яна хладнокровно вела «Ауди», практически не снимая ногу с педали газа. Чуть впереди, в каких-то двадцати ярдах воевали Гюнтер и Милана. Серебристый «Крайслер Випер» и черная «Ламборджини» непрерывно менялись местами, то обходя соперника, то вновь оставаясь позади. А еще дальше недостижимо маячило темно-синее пятно «Бугатти».

– До финиша четыре мили, – громко сообщила Яна.
– Сантьяга слишком хорошо идет, – буркнула Инга.
– Неважно! На последней миле почти не будет машин – маршалы всегда чистят финишную прямую.
– И что?
– Там мы начнем сильно проигрывать, – ответила Яна. – И «Ламборджини», и «Випер» дадут сто пятьдесят миль в час. О «Бугатти» я и не говорю. А у нас максимум – сто двадцать.
– У нас осталось триста ярдов портала, – напомнила Рыжая.
– Вот именно! Будь готова запустить его по моему приказу. В самый последний момент.

///

– До финиша остаются считанные минуты! – надрылся Мурций, не сводя глаз с экрана. – На первом месте по-прежнему Сантьяга! Он оторвался от преследователей на сто пятьдесят ярдов! Следом Гюнтер и Милана, которые прилагают отчаянные усилия, чтобы догнать комиссара! На трассе мало посторонних машин, и скорость гонщиков намного превысила сто миль в час! Они буквально летят к финишу!! Четвертыми, уступая Милане две с лишним сотни ярдов, мчится человекская пара Яна – Инга! Они проигрывают, но кто бы мог подумать, что дебютантки соревнований займут почетное четвертое место?! Конечно, у них не осталось шансов настичь... Что они делают?!!

– Инга! Давай! – крикнула Яна.

Рыжая мгновенно закончила заклинание, и перед капотом «Ауди» открылся портал. На последние триста ярдов. В одно мгновение ярко-красный болид девчонок опередил и Милану, и Гюнтера. Впереди оставался только Сантьяга, но догнать стремительно прибавляющий «Бугатти» не представлялось возможным.

«Ауди» пересек финишную ленту через несколько секунд после комиссара, прямо перед носом черной «Ламборджини».

Глава 2

«Несколько часов назад диспетчерскую дорожной полиции и FM-радиостанции, выпускающей в эфир сводки положения на дорогах, завалили звонки разъяренных водителей, сообщающих о массовом хулиганстве на МКАД. Как уверяют очевидцы, по Кольцевой дороге, то и дело создавая аварийные ситуации, мчался караван дорогих спортивных машин. Огромная скорость автомобилей и агрессивная манера езды явно указывали на то, что речь идет о старте подпольных гонок, слухи о которых давно ходят по Москве. Тем не менее в Управлении дорожной полиции сообщили, что в указанное время на МКАД не было замечено никаких...»
(«РБК»)

«Кажется, весь Тайный Город занят обсуждением неожиданных результатов только что завершившейся гонки «Сто километров Муриция». Прогнозируемая победа комиссара Темного Двора лишь оттенила сенсационное второе место человеческого экипажа в составе известных наемниц Яны Маннергейм и Инги Волковой, которые на последних секундах обошли опытейших Дочерей Журавля и рыцарей Ордена. Расстроенная Милана уже заявила, что...»
(«Тиградом»)

* * *

муниципальный жилой дом

Москва, набережная Тараса Шевченко, 2 августа, четверг, 21:03

Шикарная трехкомнатная квартира на «генеральской» набережной досталась Вовчику Сокольникову в наследство от прадеда, лихого и бесшабашного танкиста, встретившего май сорок пятого в Берлине, сентябрь сорок пятого на Квантунском полуострове, а затем успешного отметить и в Корее, и в Египте, и во Вьетнаме. Старик прожил длинную бурную жизнь и отошел в иной мир незадолго до распада империи, не успев «насладиться» крушением идеалов и развалом некогда непобедимой армии. Единственная внучка героя вышла замуж не за бравого служаку, а за скромного экономиста, окончившего непрестижную в то время «Плешку», и теперь жила в Лондоне, владея пополам с мужем процветающей брокерской компанией. Там же, в Лондоне, жили и два брата Вовчика, примерно следовавшие за родителями, а вот сам он предпочел остаться в Москве. Переселение семейства на Туманный Альбион пришлось как раз на студенческие годы молодого Сокольникова, и расставание с устоявшимся и дивно бурлящим котлом непрерывных развлечений оказалось выше его сил. Плечистый, черноволосый, с огромными выразительными глазами, в равной степени покоряющими и молоденьких девчонок, и респектабельных дам, Вовчик валял дурака почти до тридцати лет, заработав славу денежного парня (родители не забывали чадо) и удачливого ловеласа. Обычно Сокольников проводил время в компании обеспеченных бездельников, один из которых, наркоман и неудавшийся поэт Лешенька Бурляев, как-то познакомил его со своей девушкой – Вероникой Пономаревой. Вот тут-то Вовчик и влюбился по-настоящему. Высокая стройная красавица с идеальной фигурой и необычным лицом затмила для него всех женщин на свете, но для Вероники не существовало никого, кроме Лешеньки, о чем она ясно и довольно резко сообщила Сокольникову. Тем более что плечистый ловелас был совсем не в ее вкусе.

С тех пор многое изменилось. Одурманенный наркотой Лешенька шагнул с крыши. Вероника, которую любимый подсадил на иглу, медленно катилась вниз и закончить бы ей жизнь в канаве, если бы не «стим», переродивший несчастную наркоманку в одну из трех самых гроз-

ных ведьм в истории человечества. К сожалению, Сокольников ни сном ни духом не ведал о бушующих в Москве магических бурях...

Спасаясь от преследования Тайного Города, Вероника не могла не вспомнить о давнем поклоннике. Ей требовалось отсидеться, привести себя в порядок, подумать, что делать дальше и кандидатура Вовчика оказалась как нельзя кстати. Тем более что Сокольников завязал с наркотиками (разве пара дорожек кокса в день – это зависимость?) и создал благодаря поддержке любящего папы небольшую, но доходную фирму, с которой и кормился. Звонок старой знакомой Вовчик воспринял с радостью. Его не смутили ни грязная одежда Вероники, ни бритая голова с искусной татуировкой на правой половине черепа, ни золотые глаза, которые гиперборейская ведьма прятала под солнцезащитными очками. Сокольников хотел эту девушку, одну из немногих, которые посмели ему отказать, и ради этого был готов повременить с распроектированными, удовлетворившись наспех состряпанными объяснениями насчет нового видения мира и уникальных контактных линз. Про себя решил, что девчонка влипла с наркотой и решил воспользоваться ситуацией.

Вероника, со своей стороны, прекрасно понимала, что после первой же ночи отношение к ней Вовчика изменится. Из элитного разряда «вожделенных» она немедленно перейдет в многочисленную группу «одна из...», но сейчас для нее был ценен каждый спокойный час. Расположившись в шикарной квартире Сокольникова, девушка долго нежилась в ванной, постирала одежду, вволю наелась, приготовила ужин на двоих и встретила вернувшегося домой Вовчика в соблазнительной тонкой рубашке, надетой на голое тело, из-под которой кокетливо выглядывали узенькие трусики. Вероника была готова сыграть роль, и эта покорность обрадовала Сокольникова. Он вручил девушке заготовленный букет белых роз, извлек из бара бутылку хорошего вина, но срочный звонок от важного делового партнера заставил ловеласа рысью метнуться к компьютеру.

– Нет, Эдуард Евгеньевич, этот транш был проведен в точно оговоренные сроки, давайте проверим...

Приглушенный голос Вовчика едва доносился из приоткрытой двери кабинета. Девушка презрительно скривилась, небрежно запихнула букет в вазу и включила стоящий на кухне маленький телевизор.

– Жители Тайного Города в напряжении!

Вероника удивленно прильнула к экрану.

– Великие Дома только-только объяснили суть вчерашних событий, – бодро продолжил репортер, стоящий на фоне трех подозрительно знакомых высотных башен, – как Орден потряс общество непонятными, но весьма угрожающими заявлениями в адрес Зеленого Дома. Что происходит? В чем причина внезапного похолодания? Капитан гвардии великого магистра, мастер войны Франц де Гир любезно согласился дать для выпуска новостей «Тиградком» эксклюзивное интервью.

На экране появился общий план трех многоэтажек...

«Проспект Вернадского! – узнала Вероника. – Эти дома стоят на проспекте Вернадского!»

...после чего картинка переместилась в большой кабинет, обставленный тяжелой мебелью. Во главе стола, в массивном кресле, над которым застыл вставший на дыбы единорог, сидел широкоплечий рыжеволосый мужчина в бордовом камзоле старинного покроя.

– Скажите, капитан, что означают последние заявления Ордена в адрес Зеленого Дома?

«Это же информационный канал нелюдей! – догадалась Вероника. – Но откуда Вовчик знает о Тайном Городе? – Девушка покачала головой. – Нет, не может быть. Хотя...»

Но размышлять на эту тему было некогда – ведьму поглотила поступающая из телевизора информация.

– Главное, что люди это понимают! – рубанул сплеча рыжеволосый крепыш. – Их объяснения некоторых вчерашних эпизодов весьма расплывчаты! Мы уверены в том, что зеленые сознательно скрыли от прочих Великих Домов важнейшую информацию о деле Ктулху! Я подчеркиваю – важнейшую!

– Верно ли утверждение о том, что в руках Ордена находится колоссальное количество Золотого Корня?

Вероника насторожилась.

– Мы этого не скрываем, – пожал плечами Франц. – Более того, перемещение этой добычи в Замок было одобрено Темным Двором.

Девушка шумно выдохнула:

«Золотой Корень! «Стим»! Все запасы «ЦентрМедПереработки» в руках этого крепыша!»

– В таком случае какие у вас претензии к Зеленому Дому?

– У нас есть основания предполагать... – Франц сбился. – Великий Дом Людъ осведомлен о сути наших требований. Мы считаем их справедливыми и удивлены позицией людей. Бессмысленное отрицание очевидных фактов не идет на пользу Тайному Городу, что может привести к непредсказуемым последствиям!

– Это было мнение Ордена. – Картинка переместилась в студию, и на экране возник холерный диктор, облаченный в серый костюм. – Как видим, чуды скрывают причину своего недовольства, но настроены, судя по всему, решительно. В то же время Темный Двор давал комментарии еще менее охотно. Пресс-служба Великого Дома Навь ограничилась невнятным заявлением, состоящим из общих фраз, а комиссар Темного Двора проявил несвойственную ему осторожность.

На экране появился высокий черноволосый мужчина в элегантном белом костюме.

– Не скрою, мы с тревогой следим за разногласиями, возникшими между Орденом и Зеленым Домом. Мы с большим огорчением узнали, что решение проблемы гиперборейской твари положило начало некоторому недопониманию между Великими Домами.

«Решение проблемы?! – Вероника холодно рассмеялась. – Да ты его убил!»

– Но мы уверены, что и Орден, и Зеленый Дом проявят мудрость и хладнокровие, присущие истинным лидерам Тайного Города.

Картинка вновь вернулась в студию.

– По мнению наблюдателей, миролюбивая позиция навов может свидетельствовать о том, что Чудь и Людъ располагают новыми, неизвестными широкой общественности козырями, которые способны изменить расклад сил в Тайном Городе. В этой связи многие вспоминают о трагической судьбе рыцаря командора войны Богдана ле Ста, любимца гвардии и близкого друга мастера войны Франца де Гира, в гибели которого Сантьяга принял непосредственное участие. Та история серьезно подпортила отношения между Великими Домами Чудь и Навь, что может сыграть свою роль на фоне последних событий.

«А у тебя много врагов, Сантьяга», – усмехнулась девушка.

– Вероника, я весь в твоём распоряжении! – пророкотал вкатившийся на кухню Вовчик. Он наконец-то справился со своим деловым партнером и ожидал обещанного ужина.

Девушка торопливо отключила в телевизоре звук и нежно улыбнулась Сокольникову:

– Вовочка, какой у тебя интересный канал работает. Что это? Кабельный?

– Нет, – неуверенно и несколько удивленно протянул Вовчик, глядя на эмблему в углу экрана. – Впервые вижу.

«Действительно, он же ничего не знает о Тайном Городе. – Вероника потеряла переносицу. – Тогда откуда у него канал?»

– У меня хорошая техника, – криво улыбнулся Сокольников. – Телик сам может настраиваться на новые программы.

Чувствовалось, что Вовчик меньше всего ожидал от подруги обсуждения новинок теле-вещания.

«Понятно, чего ты хочешь! – Вероника с трудом подавила раздражение. – Ладно, я знала, на что шла. Пора платить по счетам».

Девушка небрежно повела плечом:

– Ты знаешь, я приготовила на ужин...

Ее оборвал длинный звонок в дверь.

– Ты кого-то ждешь?

– Нет. – Вовчик, жадно пожирающий глазами едва прикрытое сорочкой тело девушки, гневно мотнул головой: – Да пошли они!

Звонок немедленно повторился.

– Настойчивый, – вздохнула Вероника. – Лучше открой.

Сокольников пробормотал невнятное ругательство, выскочил в прихожую и распахнул дверь.

На пороге квартиры стоял невысокий приятной наружности мужчина в белом форменном комбинезоне и куртке, на левой стороне которой была вышита замысловатая эмблема, а под ней надпись: «Тиградком».

– Добрый вечер, – пробурчал Вовчик.

– Здравствуйте, – жизнерадостно улыбнулся пришелец. – Прошу прощения за поздний визит! Валентин, сервисная служба «Тиградком». Скажите, вы последние несколько минут телевизор не включали?

– Включали, – подтвердил Сокольников.

– Незнакомые каналы не попадались?

Вовчик почесал в затылке:

– Попадался.

– Это наша вина, – сообщил Валентин. – Мы с напарником подключали к кабельным каналам ваших соседей и где-то намудрили. Я могу посмотреть?

– Конечно. – Сокольников посторонился. – Телевизор на кухне.

Техник быстро прошел в квартиру, расплылся при виде Вероники в очередной улыбке и устался на экран:

– Точно!

– Ваш канал? – осведомилась девушка.

– Ага! Вы уж извините.

– Ничего страшного.

Валентин снял с пояса маленькую рацию и нажал кнопку вызова:

– Алло, старик, это я! Все верно, старый ты недотепа, мы коммутнули нижний этаж...

Откуда я знаю как? Придется переделывать...

– Как называется ваша компания? – вдруг спросила Вероника.

– У нас хорошая служба, – скупно ответил техник.

– Хорошая, а в проводке ошиблись, – хохотнул Вовчик.

– Бывает.

Девушка поправила рубашку и, качнув бедрами, подошла к плите. Она чувствовала, как взгляд мужчины пробежался по ее длинным, обнаженным ногам, по тонким трусикам, по груди, едва прикрытой почти прозрачной тканью сорочки и остановился на бритой голове. Тем временем на экране появился седовласый старик в роскошной пурпурной мантии. Судя по активной артикуляции, он что-то говорил.

– Интересный канал, – протянула Вероника.

– Кабельный, – пояснил техник. – Каждый день что-то новенькое.

– Никогда раньше не слышал о таком, – встрял в разговор Вовчик. – Можно подключиться?

– Дорого.

Девушка ощутила смутное беспокойство. «Почему он так долго возится?»

– Деньги не проблема! – не унимался Сокольников. – Где можно узнать об этом канале? Я думал, у меня есть все!

Изображение пропало с экрана, сменившись мелкой рябью помех.

– Вот и все, – удовлетворенно пробормотал техник и снова взялся за рацию: – Что у тебя? Получилось? – Улыбнулся, выслушивая ответ. – Я же говорил!

Он отключил рацию:

– Еще раз извините за беспокойство.

– Поверьте, вы нам не помешали, – опередила Вовчика Вероника. – Прощайте.

– Прощайте. – Техник уже повернулся к выходу из кухни, но помедлил и кивнул на голову Вероники. – Красивая у вас татуировка.

– Спасибо, – абсолютно спокойно ответила девушка.

– Что она означает?

– Просто древний символ.

– Я так и думал. – Вовчик недовольно кашлянул. Техник бросил на него быстрый взгляд и направился в коридор. – Прощайте.

///

Элегантный белый фургон с неброской надписью: «Тиградком». Сервисная служба» – ожидал у подъезда. Валентин открыл дверцу, бросил на сиденье сумку с инструментом, подмигнул водителю и набрал на мобильном телефоне номер:

– Аллю?

– Добрый вечер, Валентин, – немедленно отозвался собеседник, показывая, что узнал звонящего. – Полагаю, вы хотите отчитаться о проделанной работе?

Такой вежливостью славился лишь один обитатель Тайного Города: Сантьяга, беспощадный комиссар Темного Двора.

– Совершенно верно, – подтвердил техник. – Как и было договорено, мы имитировали неполадку на линии и дали возможность объекту просмотреть запись девятичасовых новостей «Тиградком». После этого немедленно отключили квартиру от ОТС.

ОТС, Объединенная телекоммуникационная сеть, включала в себя все информационные каналы Тайного Города, и ее обслуживание было самым главным занятием «Тиградком».

– Вы уверены, что объект просмотрел запись?

– Уверен, – коротко кивнул техник.

– Замечательно, – протянул Сантьяга. – Вы с напарником прекрасно поработали, Валентин. Я очень благодарен.

– Всегда рад помочь.

То, что к обычному «спасибо» комиссар не забыл приложить щедрые переводы, собеседники обсуждать не стали. Зачем? Валентин и его напарник не в первый раз нарушали железные правила «Тиградком», выполняя личные просьбы Сантьяги. Они отдавали себе отчет, чем рискуют – вмешательство Великих Домов в деятельность «Тиградком» было категорически запрещено, – но комиссар умел убеждать.

– У нас вызов, – сообщил водитель, после того как Валентин убрал телефон. – Срочный. Диспетчер два раза спрашивал, что мы так долго делаем в этом доме.

– Авария на линии, – пожал плечами Валентин.

– Я ему так и ответил.

Фургон медленно выехал со двора.

///

Сантьяга отключил телефон и задумчиво повертел в руке малюсенькую трубку.

Все, игра началась. Теперь Вероника «случайно» узнала, что люды завладели лабораторией, а чуды – огромным, по меркам Тайного Города, количеством «стима». Ей осталось решить, с кем попробовать договориться. Вариант, что Вероника покорно опустит руки и умрет от недостатка «стима», рассматривать глупо: гиперборейская ведьма будет драться до конца. Даже перерожденная. Не для того она провела целый день в компании Ктулху, чтобы теперь сломаться под тяжестью обстоятельств. Не для того она впитывала философию Кадаф, чтобы показать врагам страх.

Ненависть поведет ее вперед.

///

Вероника глубоко затянулась, докуренная до фильтра сигарета обожгла пальцы и медленно, словно наслаждаясь, раздавила окурочек в хрустальной пепельнице. Вот бы так со всеми врагами! Не спеша, растягивая удовольствие, подержать в пальцах, а потом смять в жалкий комочек, растереть без следа. Девушка угрюмо посмотрела на скорчившийся в пепельнице фильтр. Ничего иного эти твари не заслуживают.

Она снова закурила, задумчиво провела ладонью по длинному бедру и прищурилась. Вовчик, вытолкав незадачливого техника, отправился в ванную и не мешал предаваться размышлениям.

Ктулху убит, фабрика разгромлена, а победители начали грызню. И чтобы выжить, придется принять участие в сваре. Нужно тщательно продумать линию поведения, рассчитать реакцию нелюдей, понять, как сильно они увязли в противоречиях, пройти по лезвию бритвы и не ошибиться.

– Я сумею, – прошептала ведьма.

К кому выходить с предложением, понятно. У Ордена запасы «стима», у Зеленого Дома лаборатория, но вряд ли работающая, иначе бы война уже началась.

Она отправила в пепельницу очередной окурочек и перевела невидящий взгляд на окно.

«Сколько времени потребуется, чтобы запустить производство «стима»? День? Неделя? Месяц? За это время многое может измениться. Нет! Необходимо не просто убедить Орден в целесообразности сотрудничества со мной, но заставить их действовать немедленно, чтобы уже не было возможности отступить».

– Вероника! – Вовчик, бедра которого перехватывало влажное махровое полотенце, вышел из ванной и замер в дверях кухни. – Я...

Ведьма подошла к Сокольникову, остановилась в шаге от него и медленно расстегнула верхнюю пуговицу на рубашке.

– Я знаю, чего ты хочешь.

– Да! – Вовчик рывком сдернул с плеч девушки тонкую ткань.

* * *

клуб «Ящерица»

Москва, Измайловский парк, 2 августа, четверг, 23:49

Даже для привыкшей ко всему «Ящеррицы» это была очень странная компания. ОЧЕНЬ странная. Спящий засвидетельствовал бы – если он, конечно, видит хоть что-нибудь в своих снах, – что специально собрать за одним столом столь разных собутыльников невозможно в принципе, в игру обязательно должен вступить Его Величество Случай, разрушающий любые закономерности и расчеты. Заставляющий забыть о всякой логике, презреть правила и принципы.

Он и вступил.

И не просто вступил, а проявился во всей красе. И потому Муба, грозный четырехрукий хван, ласково обнимал за плечи обалдевшего от подобного дружелюбия уйбуя Копыто, низкорослого десятника Красных Шапок. Пухленький Птиций, не обращая внимания на сидящую рядом девушку – немыслимый для конца случай! – увлеченно распивал очередную бутылку с Артемом и братом Ляпсусом, лучшим эрлийским хирургом. А рыжеволосая Инга, задумчиво подперев кулачком подбородок, внимала Захару, епископу клана Трени, одному из самых одиозных лидеров семьи Масан.

Захар был в ударе. Он был пьян до полуприкрытых глаз, что для вампиров большая редкость, но напившись Трени не превратился в желчного зануду, подобно многим соплеменникам, а читал стихи. Хокку. По общему мнению – для Инги. Однако слушали все. По крайней мере, старались слушать.

– Кор-рот... кая зар-рис... овка, – объявил епископ. – Пр-риш... ла на ум, у берега моря...

Трени покачнулся, но заботливая рука брата Ляпсуса позволила масану сохранить равновесие.

Печальный крик, крылом скользящий в пене,
Уходит в скалы, вверх, рождая волны,
Ветер умирает...

Несмотря на заплетающийся при обычной речи язык, стихи епископ читал чисто.

– Прекрасно, – прошептала Инга. – Я словно увидела этот берег. – Она помолчала. – Скоро будет шторм. Удивительные строки...

– А я ничего не понял, – проканючил Копыто. – Где шторм?

– Будет шторм, – ласково объяснил Муба. – Захар это увидел и передал нам.

– Но он ничего такого не говорил.

– Ты должен был это представить, – левая нижняя рука хвана, которая упиралась в край стола, предательски соскользнула вниз, но три другие пришли ей на помощь, не позволив Мубе приземлиться лицом в тарелку. – Чувство прекрасного.

– У меня его нет, – горестно подытожил уйбуй.

Небольшой мозг Красных Шапок, функционирующий исключительно благодаря виски, не мог вместить столь сложных вещей.

– Вырасти его, – предложил Муба. – А Захар поможет. Захар, ты поможешь?

Епископ молча стукнул рюмкой в стакан хвана, залпом выпил водку и устался на притихшего уйбуя.

– Это кто?

Красная Шапка внезапно подумал, что пьяный вампир не самая лучшая компания для совместной попойки и пискнул:

– Копыто.

– Чье? – осведомился Трени.

Дикарь ошеломленно заморгал: ответить на этот вопрос ему не помогло даже выпитое виски.

– Это наш друг, – сообщил окончательно размякший Птиций. – Или кого-то из нас.
Уйбуй, никогда в жизни не сидевший за одним столом со столь известными в Тайном Городе персонами, вдруг с ужасом понял, что его могут выгнать. И эта страшная мысль придала ему сил.

– Я люблю стихи! – отчаянно сообщил он.
– Это хокку, – поправила его Инга.
– Их я тоже люблю.
– Под горячее, – вставил брат Ляпсус.
– Можно с соусом, – добавил Артем.
Наемник и эрлиец чокнулись и дружно выпили.
– За что? – поинтересовался хирург, цепляя на вилку маринованный грибочек.
– Инга победила в «Ста километрах Мурция», – припомнил Артем. – Мы празднуем.
– Круто.
– Он хочет быть культурным, – сообщил Муба, поглаживая Копыто по красной бандане.
– Тогда... пусть слушает, – милостиво разрешил Захар.
– Только прочитай, пожалуйста, чего-нибудь более понятное, – жалостливо попросил уйбуй. – Про войну, например.
– Ты солдат? – удивился Тречи.
– Я воин.
– Неужели у тебя нет стихов о войне? – Инга посмотрела на масана.
– Для вас, моя кр-рас... авица, у меня есть о чем угодно. – Захар перевел дух. – Посвящение.

Клинок, стремительно сверкнувший,
Для глаз твоих услада, а в душе
Пусть храбрость пышной сакурой цветет.

///

– Выпендривается, кровосос, – хмуро процедил Гореслав. – Телку клеит рыжую.
– Вряд ли, – не согласился Велемир. – Это Инга, подруга того чела, что с Птицием пьет, Артема. Захар ее клеить не станет.
– Ему-то какое дело, чья она подруга? – Гореслав сплюнул.
– Рассказывай дальше, – приказным тоном потребовал третий сидящий за столом люд Крутополк, ротмистр дружины Измайловского домена. Крутополк уезжал из Тайного Города и, вернувшись, узнал очень неприятные новости.
Гореслав угрюмо глотнул пива и, вновь покосившись на Тречи, продолжил начатый некоторое время назад рассказ:
– Рукомир тогда как с цепи сорвался. Мы его пытались остановить, но... Ты же знаешь Рукомира.
– Знал, – холодно поправил его Крутополк.
– Да, – помедлив, согласился рассказчик. – Знал... все мы его знали. В общем, Рукомир взбесился.
– А что, Лада на самом деле переспала с Захаром? – спросил Крутополк.
– Свечку никто не держал, – вставил Велемир. – Но после той вечеринки она уехала с кровососом и явилась домой только под утро.
– Шлюха. – У ротмистра заиграли желваки. – Что было потом?

– Рукомир послал вызов на дуэль. – Гореслав с сомнением посмотрел на Велемира, словно раздумывая, говорить об этом или нет. – Захар не хотел драться.

– Да что ты? – удивился Крутополк.

– Серьезно, – подтвердил Велемир. – Я присутствовал при разговоре. Епископ предложил свои извинения, а Рукомир... послал его. Очень грубо. Тогда Захар принял вызов и... – Велемир сбился.

– Трех *высушил* Рукомира? – с нажимом спросил Крутополк.

Велемир отвел глаза.

– Ты же знаешь, что Кодекс предусматривает...

– Трех *высушил* Рукомира?

– Да, – хмуро ответил Гореслав. – Сразу же после того, как его убил.

– А вы стояли и смотрели?

– Это была честная дуэль, и масан имел право на кровь Рукомира.

В мутно-зеленых глазах Крутополка вспыхнула жгучая ненависть. Он тяжело посмотрел на Захара, помолчал и медленно, словно ему свело скулы, произнес:

– Надо кончать кровососа.

– Одни не справимся, – тихо произнес Велемир. – Епископа нам не одолеть.

– Я в зале двух фей видел, – добавил Гореслав. – Попросим помочь?

Его сомнения были ясны: люди не являлись магами, а потому, даже несмотря на силу и боевую выучку, затевать драку с масаном было для них форменным самоубийством. Епископ Трех без труда уложил бы и их троих, и еще пару десятков в придачу.

В честном бою.

– Феи не пойдут, – качнул головой Крутополк. – Захар действовал в рамках Кодекса, зачем девчонкам неприятности? Нет, други-дружинники, эту проблему могут решить только те, кто Рукомира любил. Кому он как брат был. – Ротмистр снова выдержал паузу. – Мне Рукомир как брат был. А вам?

Гореслав вздохнул:

– Я с тобой, Крутополк.

///

– Хорошая вещь хокку, – вздохнул Птиций, наливая себе коньяк. – Рифмы нет, придумывай себе стихи на все случаи жизни.

– Так р-рас... суждают лавочники, – прореагировал на замечание конца Трехи.

– Я не лавочник, – буркнул Птиций, – я управляющий.

– Чем? – потребовал объяснений любознательный масан.

Сложность вопроса поставила конца в тупик. Пару секунд он тарашился на епископа, а затем неуверенно помахал в воздухе рукой:

– Не чем, а где. Я... ик... здесь управляю.

– Мной упр-равл... ять не нужно, – возмутился Захар. – Я сам спр-рав... люсь.

– Я не тобой, а... – Конец начал беспокойно озираться по сторонам. – А...

– Что «а»? Где?

– «Ящерницей» я управляю... в смысле руковожу... – Управляющий прочитал название собственного клуба на юбочке ближайшей официантки.

– А в словах Птиция что-то есть, – задумчиво протянул брат Ляпсус. – Захар, у тебя есть стихи о женской красоте?

– Навалом! – подтвердил масан. – Люблю.

– Тогда почему ты читаешь Инге всякую чушь о морях и сакуре?

– А мне нравится! – запротестовала девушка.

- И мне! – добавил Копыто. – Мне про сакуру понравилось.
- Про воина.
- О воине там ничего не было! Там было про сакуру! – Уйбуй почесал под банданой. – Кстати, что это такое?
- Нужно прочитать Инге нежный стих, а потом выпить на брудершафт и поцеловаться, – расписал алгоритм Птиций.
- Ну, это ты перегнул, – недовольно буркнул Артем.
- Если стих будет хороший, то ревновать не стоит, – рассудительно вставил Муба.
- Трех посмотрел на Ингу с возможной для его состояния ласковостью, пару секунд молча шевелил губами, а затем нахмурился и покачал головой:
- Не получается.
- Допился, – понимающе хмыкнул Копыто.
- Забыл все? – участливо спросил Птиций. – Бывает.
- Я не забыл, – отрезал Захар. – Я помню.
- Тогда читай.
- Но те стихи посвящены др-руг... им женщинам, – объяснил вампир. – Я не могу читать их Инге. Это непр-рав... ильно.
- Как благородно, – мечтательно улыбнулась девушка.
- Придумай новые! – потребовал Муба.
- Я не могу соср-ред... оточиться.
- А разве красота не пробуждает вдохновение? – изумился брат Ляпсус.
- Кр-рас... ота? Безусловно...
- Вот-вот, – добавил Птиций. – Красота! Ха! Бывают, знаете ли, женщины, как соевая колбаса: упаковка одно загляденье, а жрать даже собаки отказываются!
- Кр-рас... ота, – протянул не услышавший Птиция масан. – Кр-рас... ота – это сила... но мне нужно еще... Я... Знаешь, когда я смотр-р... ю на нашу пр-релестн... ую Ингу, мне приходит в голову «Вспышка стр-р... асти».
- Кто бы сомневался, – хохотнул эрлиец.
- Кр-р... етин. Не вспышка стр-р... асти, а «Вспышка страсти», кар-рт... ина Алира. Великая вещь. Она одна может послужить тем недостающим звеном, котор-р... ое, вкупе с кр-рас... отой нашей леди, смогло бы вызвать вдохновение. – Захар сел. – Но ее здесь нет.
- Кого? – не понял Артем.
- «Вспышки страсти»? – Копыто решил похвастаться образованностью. – Она, кажется, в Тридяковской галерее висит?
- В Третьяковской, – машинально поправила уйбуя Инга.
- Делов-то, – рассмеялся Муба. – Слышь, мелкий, сгоняй в музей и притащи сюда картинку. Не видишь, поэт мучается?
- А чего я-то? – забоялся уйбуй. – Пока я буду кататься, вы совсем упьетесь и по домам отправитесь. А потом скажете, что Красные Шапки ограбили галерею.
- А вы ее огр-р... абили? – Пока Захар опрокидывал очередную рюмку, он несколько потерял нить беседы.
- Быстро выпитая рюмка не считается налитой, – пробубнил брат Ляпсус, вновь наливая епископу.
- Масан не возражал.
- Поехали туда, – предложил Артем.
- Куда?
- Картинки смотреть.
- А это мысль! – захлопала в ладоши Инга. – Темка, ты молодец!

– «Вспышка стр-р... асти» и вы, моя кр-р... асавица. – Треми причмокнул губами. – Увер-р... ен, меня посетит вдохновение.

– На большее можешь и не рассчитывать, – предупредил наемник.

– Мне еще никогда не посвящали стихи. – Девушка нетерпеливо вскочила со стула. – Едем!

– Птиций, сколько с нас? – поинтересовался Артем.

– Рассчитаемся, когда вернемся, – махнул рукой управляющий. – Я хочу посмотреть, как сходит благодать на масанов.

– Не благодать, а вдохновение.

– Неважно.

– Захар, мы едем! – Муба решительно поднялся.

– По рюмашке на дорожку, – проворчал Треми, наливая водку в бокал из-под сока.

///

– Проклятье! – прорычал Гореслав. – Они уезжают вместе.

– Займемся кровососом в другой раз, – предложил Велемир. – Наспех такие дела не делаются.

– Не говори ерунды, – буркнул Крутополк. – Было бы гораздо хуже, если бы Захар завалился спать в кабинете Птиция. А так у нас есть шанс. – Он жестом подозвал к себе официанта: – Счет!

– Мало ли что может случиться в дороге, – ухмыльнулся Гореслав. – Они потом и не вспомнят, где кровососа оставили.

– Точно, – согласился Крутополк.

Осторожный Велемир тяжело вздохнул.

///

– Все, что ли? – Артем, едва не вывалившийся из машины, обвел нетвердым взглядом компаньонов. – Никого не забыли?

– Никого! – радостно взвизгнул Копыто, которому Муба позволил сесть за руль «Мазератти».

На заднем сиденье артемовского «Крузера» всхрипнул Захар.

– Босс, вас сопровождать? – осведомился у Птиция один из телохранителей.

– Мы ненадолго. – Управляющий попытался изобразить кивок головой, но не преуспел.

Телохранитель заботливо вернул голову начальства на подобающее место, вздохнул и отошел к стоящему у дверей «Ящеррицы» напарнику.

– Может, все-таки поедем следом? Мало ли что?

– Босс обойдется и без нас, – буркнул тот, разглядывая спутников Птиция. – Скорее об охране должны позаботиться те, кого они встретят.

* * *

частный жилой дом

Подмосковье, берег Пироговского водохранилища, 3 августа, пятница, 00:32

О том, где находится дом Кортеса, мало кто знал. Члены его команды, Сантьяга, Биджар Хамзи, друживший с наемником уже несколько лет, вот, собственно, и все – шумных вечери-

нок Кортес не устраивал. Разумеется, Великие Дома давно вычислили, где обитает лучший наемник Тайного Города, тем более что он, особо не афишируя адрес, никогда не предпринимал дополнительных мер предосторожности: кому надо, тот узнает, ничего страшного. Кортес никогда не рассчитывал использовать это жилище в качестве секретного убежища: на случай, если ему потребуется скрыться, у наемника была заготовлена специальная квартира, о существовании и местонахождении которой вообще никто не знал, даже Яна. А здесь был дом, просто дом. Небольшое, аккуратно оштукатуренное, двухэтажное здание под красной черепичной крышей, утопающее в зелени густо посаженных деревьев. Дом стоял на отшибе, вдали от окрестных селений и коттеджных поселков, на самом берегу водохранилища и задняя дверь выходила на небольшой причал, к которому был пришвартован скоростной катер.

Что еще нужно, чтобы отдохнуть от праведных трудов?

Недавно перестроенная спальня занимала самую большую комнату второго этажа. Правда, правильнее было бы сказать, что весь второй этаж представлял собой огромную спальню, все окна которой выходили на ровную гладь водохранилища. В ней не было ничего лишнего: вдоль стены вытянулись зеркальные дверцы шкафа-купе, один угол отдан под низенький столик и несколько изогнутых кресел, ковер с длинным ворсом, ласково щекотавший голые пятки, и невысокая кровать, на которой могло разместиться приличное количество гостей. Но предназначалась она только для двух человек.

– Инга портал построила, а у меня только одна мысль: сейчас мы из него выскочим, а «Ламборджини» или «Випер» въедут нам в бампер, – негромко рассказывала Яна, уютно устроившись в объятиях Кортеса. – Скорости дикие, мы от них отставали прилично, портала едва хватило.

Девушка рассмеялась и задумчиво отхлебнула сок из высокого бокала. Она никак не могла успокоиться и продолжала делиться впечатлениями:

– Я железку до отказа вдавила, до ста тридцати разогнались... Надо будет «Ауди» на техосмотр отвезти...

– И прикупить машинку порезвее, – пробурчал Кортес, поцеловав девушку в плечо. – На следующий год тебя будут воспринимать всерьез.

– Нет, – тряхнула головой Яна. – В ближайшее время я свою Тотошку никому не отдам. Она это заслужила. – Темные глаза девушки скользнули по стоящему на полу серебряному кубку. – А перед следующей гонкой посмотрим. Давай кубок в офисе поставим? Пока мы с Ингой не передрались, у кого он будет храниться.

– Завтра прикажу сделать стеклянный шкаф, – согласился Кортес.

– Классно! – Яна нежно провела рукой по щеке наемника. – А что мы будем делать сегодня?

– Сегодня? – Кортес зарылся лицом в густые черные волосы подруги. – Сегодня мы будем праздновать.

Яна снова рассмеялась, вытянулась в струнку под сильными руками наемника и блаженно закрыла глаза. Ей было хорошо и спокойно. Ей было просто чудесно. Самый лучший на свете мужчина был рядом... и неважно, что он еще ни разу не сказал ей, что любит.

Она и так это знала.

* * *

Третьяковская галерея

Москва, Большой Толмачевский переулок, 3 августа, пятница, 00:51

По обывательским меркам в Третьяковской галерее собралась очень странная компания. Нет, не так.

По обывательским меркам в Третьяковской галерее собралась ОЧЕНЬ странная компания.

Мало кто из нормальных людей, исправно платящих налоги и знакомых с криминалом только по телесериалам, может представить себе, что лидеры практически всех крупнейших уголовных группировок могут собраться вот так запросто. Не для раздела сфер влияния, не для выяснения отношений, не для того, чтобы стрелять или взрывать, а просто так, попыхивая сигарами, дружелюбно улыбаясь и даже подшучивая друг над другом. Что ни говори, а все-таки настоящее искусство облагораживает, заставляя даже отпетых уголовников соблюдать приличия, принятые у нормальных людей.

А собравшиеся очень хотели походить на нормальных. Поэтому зал Третьяковки не оскорбляли разноцветные, с восхитительными золотыми пуговицами пиджаки, спортивные штаны и золотые цепи от шеи до ширинки. Собравшиеся были одеты в достойные костюмы, причем некоторые даже воспользовались галстуками, ухоженная растительность на черепах ничем не напоминала пресловутые «ежики», а нашейные украшения уступили место элегантным золотым часам и разумных размеров перстням. Попахивало хорошим табаком и дорогим парфюмом. Блатная феня практически исключалась, нецензурные выражения тем более.

Они очень хотели походить на нормальных.

А еще они знали толк в искусстве.

– Шагал, – хмыкнул один, разглядывая выставленную картину. – До сих пор в моде.

– Любишь ты всякую муть, Автандил, – вздохнул второй ценитель. – Нет ничего лучше русских классиков. Только они могут передать...

– Шагал ценится дороже, – усмехнулся первый.

– Спекулянт, – небрежно бросил еще один бандит, важно попыхивая толстой сигарой. – Тебе лишь бы прибыль, Автандил, лишь бы прибыль. О душе бы подумал.

– Ну, не понимаю я ваших русских классиков, – рассмеялся первый. – Ну, деревья, ну, грачи, чего на это пялиться?

– Красота, Автандил, вечная красота.

– Она у тебя на стенке висит, а в окно смотришь – то же самое. И в чем смысл?

– В вечности. За окном можно и баньку пристроить, а картину не перепишешь.

– Вах! Какой знаток!

– Господа, господа, – маленький мужчина с унылым носом нервно потер потные ладошки, – пора начинать, господа. Прошу рассаживаться.

Бандиты послушно разместились в креслах, расставленных в небольшом зале Третьяковки, и восемь пар глаз нетерпеливо уставились на маленького. Тот подошел к первому из пяти треножников, расставленных вдоль стены, и сдернул с него покрывало:

– Наш первый лот, господа. Поленов...

Давид Давидович Пьянтриковский занимался искусством всю жизнь. Выходец из интеллигентнейшей ленинградской семьи (папа – виолончелист, мама – музыкальный критик), маленький Пьянтриковский сизмальства познал прекрасное и по окончании престижного культурного факультета был пристроен родителями на небольшую должность в Эрмитаж. Возможно, в иные времена талант Давида Давидовича и прорезался бы, позволил бы ему сделать внушительную карьеру по линии культуры, усадил бы в теплое кресло соответствующего министерства или комитета, но, увы, в тот самый момент, когда Пьянтриковский только-только поднялся по служебной лестнице, империя рухнула. Служить специалистом по живописи стало невыгодно и непрестижно, для интеллигентного человека, разумеется. А сомнительная перспектива восхищаться тонкими мазками мастеров без перспективы улучшения материального положения Давида Давидовича не устраивала категорически. Нужна была идея, и она, как это частенько случается с интеллигентными людьми, пришла. Ловкий Пьянтриковский вовремя смекнул, что хаос, в котором пребывал ведущий музей страны после распада империи, может

быть необычайно полезен умному человеку. Воспользовавшись своим положением в Эрмитаже, Давид Давидович ухитрился умыкнуть из резервного фонда пару картин и толкнуть их старинному приятелю, давно эмигрировавшему в Америку, но не оставившему в беде несчастную родину. Бизнес завертелся. Огромные и запутанные фонды Эрмитажа не замечали мелких уколов Пьянтриковского, приятель курсировал между Ленинградом и Нью-Йорком, как дворники по лобовому стеклу, швейцарский номерной счет Давида Давидовича приятно зеленел. Пьянтриковский обрастал связями, полюбил высказываться с экрана телевизора насчет бедственного положения русской культуры и метил в директора Эрмитажа. Но приятель подкачал. Влип бывший соотечественник на таможне с поличным, и гореть бы Давиду Давидовичу синим пламенем, но жадность старого друга выручила: за две трети швейцарских сбережений Пьянтриковского он согласился взять все грехи на себя. Счастливо избежав разоблачения и переждав период пристального внимания ФСБ к своей персоне, Давид Давидович скрипнул зубами, задействовал связи и перевелся в Москву заместителем директора Третьяковской галереи, утешая себя тем, что и оставшихся денег скромному человеку хватит до конца жизни. А дети сами заработают. И было бы Пьянтриковскому тепло и сухо, да только вот уголовникам, в отличие от ФСБ улики для суда не требовались, они-то знали, что за кренделя прислала в Москву Северная Пальмира и дождавшись, пока Давид Давидович обживется на новом месте, сделали чисто конкретное предложение. Реально. Насмерть перепуганный Пьянтриковский поначалу даже отказывался, но заложенная родителями тяга к прекрасному взяла свое. Тем более что бандиты лучше его знали, что времена изменились и воровать с прежним размахом не получится. Теперь Давида Давидовича никто не торопил, он сам выбирал удобные моменты, подменивал, списывал или просто крал картины и, поднакопив несколько холстов, устраивал аукцион, зарабатывая весьма неплохие суммы. Банковский счет вновь покрылся зеленью и единственное, что не устраивало Пьянтриковского, было желание бандитов проводить аукционы непременно в стенах Третьяковки – по выпендречности московские уголовники могли дать фору любому колумбийскому наркобарону. Хотя, с другой стороны, хотят, ну и хрен с ними! Любители, черт бы их побрал, живописи!

Сам Давид Давидович живопись недолюбливал. Он уважал преферанс.

– Теперь, господа, – Давид Давидович в предвкушении потер руки, – главная жемчужина сегодняшнего аукциона! Одно из величайших полотен... – он усмехнулся, – трагически погибшее в подвале Третьяковской галереи во время аварии теплоэлектроцентрали.

Господа, оценив тонкий юмор Пьянтриковского, деликатно заржали.

– На ваш суд предлагается знаменитый шедевр Алира Кумара «Вспышка страсти». – Давид Давидович притворно вздохнул: – Не далее как вчера я имел честь лично общаться с гениальным Кумаром и вынужден отметить, что мастера весьма опечалила гибель этого полотна.

Ржание усилилось.

– Но он обещал поддержать российскую культуру и передать в дар Третьяковской галерее еще одну или две картины.

Бандитское веселье достигло апогея. Давид Давидович умел выстроить мизансцену.

– А пока разберемся с этой.

Пьянтриковский эффектно сбросил ткань, прикрывающую холст. Уголовное ржание заглохло: мастерство художника произвело на них впечатление. На полотне был изображен сонный ночной луг, темное небо прорезалось вспышками молний, одна из них подожгла стог сена, из которого торопливо выскакивали смеющиеся полуодетые любовники. Гениальному Кумару удалось настолько тонко передать сцену, что казалось, разгоряченная, озорно хохочущая девушка вот-вот ворвется в переполненный бандитами зал.

– Отчего же все-таки загорелся стог? – пробормотал Автандил, не отрывая взгляд от картины.

Давид Давидович молча пожал плечами – ему было все равно.

– «Вспышка страсти»! Начальная цена...

– Я же сказал, что если ее нет на месте, значит, ее просто перевесили!

Двери распахнулись, и собравшиеся изумленно уставились на вошедшего в зал невысокого, абсолютно лысого толстяка, наряженного в оливковый костюм, алую рубаху и желтый галстук. Ботинки клоуна были белыми, в красный горошек, а на пальцах, как привычно отметил бывший карманник Автандил, болталось небольшое состояние.

– Вот она! – Пришелец пошатнулся, но удержал равновесие и победоносно ткнул указательным пальцем во «Вспышку страсти». – Я же говорил, что найду! Идите все сюда!

Толстяк рыгнул и по залу деликатно скользнул легкий аромат коньяка, пребывающего в первой стадии переработки. Пьянтриковский тарачился на пришельца в совершеннейшем ступоре. Реакция остальных бандитов мало чем отличалась.

– Клянусь потрохами Спящего, пьяный конец всегда найдет то, что ему надо!!

Давид Давидович вздрогнул.

В дверях появились очередные гости: ЧЕТЫРЕХРУКИЙ здоровяк и жилистый, покрытый татуировками коротышка в кожаных штанах, жилетке и красной бандане. Несмотря на крайне неуверенную походку, они умудрялись поддерживать между собой третьего, плотного брюнета в элегантном костюме.

«Не поддерживать, – машинально поправил себя Пьянтриковский, – а тащить».

Передвигаться самостоятельно брюнет был не способен. Замыкал шествие еще один черноволосый: тощий, как спица, мужчина в расстегнутой почти до пояса рубашке. Его заплетающаяся походка показывала, что он пребывает в той же степени опьянения, что и опередившие его гости.

– Я устал, – пожаловался коротышка.

– Цыц! – прохрипел четырехрукий. – Мы пришли.

С их появлением, помимо коньяка, запахло виски, текилой и водкой.

– А почему здесь челы? – проныл обладатель красной банданы. – Птиций, зачем здесь челы?

– Откуда я знаю? – пробубнил толстяк. – Экскурсия у них.

– А они нас не видят? – поинтересовался коротышка.

– Ни черта они не видят, – буркнул брюнет в расстегнутой рубашке. – Инга морок навела.

– А почему они на нас смотрят?

– Они на «Вспышку страсти» смотрят. На кой ляд ты им сдался?

– Зачем они смотрят?

– Нравится.

– А почему они молчат?

– И ты заткнись. – Брюнет вытащил из кармана брюк банку пепси-колы и попытался вскрыть крышку. Неудачно.

– Так, картину нашли, – провозгласил толстяк. – Теперь будите поэта!

Четырехрукий и коротышка закрепили ношу в вертикальном положении и потрепали по щекам:

– Захар! Захар, мы в музее!

Голова поэта мерно покачивалась от одного приятеля к другому, но и только. Просыпаться Треми не желал. Брюнет боролся с банкой, толстяк с сомнением взирал на его вихляющую фигуру.

На обалдевших уголовников никто из пришельцев не обращал никакого внимания.

– Какого... вашу... здесь происходит? – первым пришел в себя Автандил. – Вы кто такие?... И какого... здесь потеряли? Жить надоело?

Все остальные господа резко выдохнули, а кто-то даже нервно хихикнул: гневная, хорошо понятная речь вернула им способность соображать. Все хорошо, все продолжается, это не полиция, это какие-то хулиганы, которым крупно не повезло. А то, что у одного из них ЧЕТЫРЕ руки, так это фокус такой. Хе-хе-хе...

Тем более что... Воздух в зале на мгновение подернулся странной рябью и тут же снова стал прозрачным. Пьянтриковский снова посмотрел на подозрительного здоровяка и убедился, что у того ДВЕ руки. Две! Уф... У страха глаза действительно велики.

– Что, спрашивается, наши телохранители делают на улице? – пробормотал Автандил. – Поубиваю скотов!

– А вы чего заткнулись, кретины? – прикрикнул другой бандит на пришельцев. – Ну-ка колитесь, кто такие?

Нежданные гости переводили ошарашенные взгляды с одного уголовника на другого так, словно только что заметили их.

– Чего молчите?

– Инга! – завопил толстяк. – Инга!!

В дверях зала появилась тоненькая рыжая девушка, которую обнимал за плечи короткостриженный парень.

– Ну, чего тебе?

– Инга, ты же сказала, что навела морок!

– Я навела.

– Они нас видят!! – Толстяк трагически обвел рукой бандитов. – Эти уроды нас видят! Что ты наделала?

– Ты кого уродом назвал, пузо?!

– Опс! – Рыжая слегка покраснела. – Я... я, если честно, навела морок на тот зал, где должна была висеть картина... я...

– Но мы же оттуда ушли! – Толстяк проигнорировал оскорбление кого-то из бандитов, все его внимание было сосредоточено на Инге.

Девушка растерянно оглядела уголовников, Пьянтриковского, картину на треножнике и наконец остановила беспомощный взгляд на своем кавалере.

– А надо было предупреждать! – взял слово короткостриженный. – Взяли моду шляться по всему музею! Что, Инга должна за каждым из вас бегать? У нее своих дел полно!

– Вы о чем базарите, лохи?

– Да заткнись ты!

– Знаем мы ваши дела!

– Не надо было тискаться по углам!

– Я девушку в музей привел!

– Между прочим, впервые в жизни, – быстро вставила Инга.

– Мы смотрели картинки!!

– Да я вас перестреляю к ядрене-фене!

Давид Давидович вытирал быстро потеющий лоб то одной, то другой рукой:

– Господа, пусть кто-нибудь позвонит телохранителям! Пора заканчивать этот балаган!

– О-о! «Вспышка стр-р... асти»!

Все резко замолчали. В наступившей тишине очнувшийся Захар оттолкнул Мубу и подошел к треножнику.

– Великая кар-рт... ина.

Он покачнулся, схватился рукой за треножник и отыскал глазами Ингу:

– Дор-рог... ая, для тебя:

Как поднимающийся с озера туман

Печально тает в небе бесконечном,
Я растворяюсь в восхищенье к вам,
К глазам, таким изысканно прелестным...

///

– Что они там делают? – спросил Крутополк.

Гореслав, отправленный посмотреть, что происходит в зале, задумчиво почесал подбородок:

– Кровосос читает рыжей стихи.

– А челы?

– Слушают.

Крутополк покосился на хмыкнувшего Велемира и решил:

– Подождем.

В отличие от пьяной компании люды не забыли включить наводящие морок артефакты и теперь, не видимые никому, спокойно разместились в соседнем зале.

///

Несколько позже, во время предварительного следствия, и даже на суде, и даже еще позже, на каторге, Давид Давидович не уставал повторять, что пьяный поэт специально отвлекал внимание бандитов, дабы дать возможность своим друзьям подготовить захват. Возможно, остальные уголовники придерживались такой же точки зрения, и, если это действительно так, совершенно напрасно: Захар прочел стих искренне, от души. И на пол упал, едва закончив поэму, тоже от души, а не спасаясь от пуль, как думали бандиты. Трех не был в состоянии спастись или спасти, он вообще был не в состоянии.

И только в одном они были правы: вольно или невольно, Захар действительно выполнил функции секунданта, и громкий стук, с которым его голова соприкоснулась с полом, вызвал целую волну событий.

У бандитов не выдержали нервы. Как с грустью отметил Давид Давидович, все уголовники, несмотря на клятвенные заверения, были вооружены. В общем-то, оно и понятно – большие суммы наличными подразумевают некоторую страховку, но в данном случае готовность бандитов к непредвиденным ситуациям сыграла с ними злую шутку: Артем и компания ввязываться в драку не хотели.

Но пришлось.

Беспорядочная пальба благородных участников аукциона заставила большую часть компании последовать примеру Захара и броситься на пол. Птиций и брат Ляпсус распластались рядом с мирно посапывающим епископом, Копыто полез под треножник, Артем схватил Ингу за плечи и развернул к стене, закрывая ее своей спиной, и только Муба, несмотря на гуляющие в голове винные пары, сумел достойно представить Тайный Город в заварушке. Собственно, чего еще ожидать от наемного убийцы?

Как доказывают статистики Великих Домов, квалифицированный боевой маг может перемещаться со скоростью от тридцати девяти (люды) до сорока семи (навы) миль в час. Самыми быстрыми в Тайном Городе считались моряны, а вот хваны, с их пятьюдесятью тремя милями, занимали второе место. Впрочем, эти статистические выкладки вряд ли интересны, учитывая размеры помещения, отсутствие возможностей для разгона и многочисленные помехи в виде мебели и бандитов. По общему мнению, Мубе в тот вечер удавалось изредка достигать скорости в двадцать пять – двадцать семь миль в час. Но этого вполне хватило.

Разъяренный хван вихрем пролетел по залу, щедро раздавая удары увесистыми кулаками (всеми четырьмя) и вырывая из рук уголовников оружие. Операция заняла не более трех целых и шести десятых секунды. После чего он выдернул из-под треножника уйбуя, произвел его в помощники и, наконец, остановился.

Выстрелов со стороны бандитов больше не было.

Копыто не понял, как в его руках оказались два пистолета, но сориентировался быстро. Он вскочил на стол и, проорав: «Всех порешу, заразы!!» – пальнул в потолок из обоих стволов. На картины посыпалась штукатурка. Не пришедшие в себя после молниеносных передвижений хвана бандиты замерли. Некоторые оставались в креслах, некоторые лежали на полу, куда их отправил четырехрукий. Но все молчали. Муба поощрительно усмехнулся Копыту и поднял вверх большой палец. На нижней правой руке. В двух верхних конечностях хван сжимал пистолеты.

– Теперь поговорим по-другому.

– Вот именно! – храбро подтвердил Копыто и уточнил: – А как?

Птиций и брат Ляпсус поднялись на ноги. Захар причмокнул и перевернулся на другой бок. Бледный, как известь, Пьянтриковский жался в углу.

– А как? – повторил Копыто.

Свежих идей не было. Что делать с опешившими уголовниками, хван не представлял, а потому победивший всех Муба вопросительно посмотрел на Артема, логично ожидая от самого трезвого компаньона рассудительных действий. Наемник прочистил горло и пояснил любознательному уйбуу:

– По-другому.

Затем почесал в затылке и покосился на Ингу. Рыжая, поняв вопрос, слегка кивнула и одними губами прошептала:

– Я навела звуковой морок. Снаружи ничего не услышали.

Значит, визит телохранителей, вооруженных качков, которых наемник заприметил у подъезда Третьяковки и которых подгулявшая компания миновала незамеченной благодаря наведенному Ингой мороку, откладывался. Артему полегчало.

– Ну, что же, господа, раз уж у нас все так замечательно устроилось, давайте, что ли, познакомимся.

– А что с ними знакомиться, мля, – солидно пробасил Копыто. – Этот Автандил Гори, командует бандой Риони после его смерти, наркотики и рэкет. Этот по проституции в основном...

Обширные познания уйбуя в криминальном мире челов не вызвали удивления у собутельников: свинья везде грязь найдет. Тем более что Красные Шапки, промышлявшие в том числе мелким разбоем, пристально следили за конкурентами.

– Ну, хватит, – остановил словоохотливого Копыто Артем, когда тот начал перечислять заслуги четвертого уголовника. Наемник приятно улыбнулся участникам аукциона. – Вот мы и узнали о вас все.

– Теперь осталось узнать все о вас, – процедил Автандил.

– Ну, я, пожалуй, пойду, – промямлил Птиций, делая маленький шагок к дверям.

– Трусливый хомяк! – расхохотался Копыто.

Бравый уйбуу упивался происходящим. Мало того что он выпивал с такими известными персонами, так он еще и воевал с ними плечом к плечу и одержал победу! Мнение Копыта о самом себе стремительно подскочило.

– Я не хомяк, – с достоинством произнес Птиций. – Я управляющий. А будешь дерзить, недомерок, на порог тебя не пушу и в долг поить не стану. Никогда.

Брат Ляпсус злорадно хмыкнул. Уйбуу прикусил язык.

– Да кто вы такие, вашу...? – не выдержал Автандил.

– Мы? – Артем поковырялся в барсетке и продемонстрировал уголовникам полицейский жетон. Фирма «Шась-Принт» охотно снабжала жителей Тайного Города мастерски выполненными подделками. – Московское управление, господа, специальный отряд по охране культурных ценностей.

– Летучий, – подумав, добавил брат Ляпсус.

– Особый, – гордо выдал Копыто.

– Секретный, – пискнул Птиций.

Подытоживая вышесказанное, Захар, до того мирно лежавший на полу, согласно рыгнул. Муба вздохнул, Инга отвернулась, Артем поморщился:

– Господа, перенесите, пожалуйста, епископа вон на тот диванчик, пока на него кто-нибудь не наступил.

Птиций и эрлиец послушно подняли пьяного вампира и потащили в указанном направлении. В зале стало чуть свободнее.

– Эй, полицейский, а может, договоримся? – неуверенно предложил один из уголовников.

Копыто, до того не выражавший никаких чувств, стал активно подмигивать Артему, указывая обоими стволами на черные чемоданчики с наличными, стоящие у каждого бандитского кресла.

– Может, – легко согласился наемник. – Я как раз собираюсь вызвать нашего главного договоривателя. Господа, надеюсь, никто не будет против, если я окажу маленькую услугу одному приятелю?

Птиций и эрлиец жестами показали, что дальнейшая судьба участников аукциона им до лампочки. Инга согласно кивнула, и только уйбуй горестно посмотрел на Мубу, с робкой надеждой на то, что у главного героя будут свои планы относительно поверженных уголовников и их сбережений. Увы, хван счел предложение наемника приемлемым:

– Правильно, вызывай полицию, все равно мы сами ничего путного не придумаем.

Артем взялся за телефон:

– Аллю, майор Корнилов?

///

– Что они делают? – удивленно переспросил Велемир.

– Вызывают полицию, – повторил Гореслав. – Хотят сдать чела им бандитов.

– Зачем?

– Они здесь картины воровали.

– Редкая гражданская позиция, – зевнул Крутополк и перешел к делам: – Где Треми?

– Спит на диване неподалеку от дверей.

– Крепко?

– Как Спящий.

– Вот и отлично. Заберем его, когда в зале начнется суета.

///

Андрей Кириллович Корнилов по праву считался самым известным полицейским страны. Он прославился несколько лет назад, когда возглавляемый им отдел специальных расследований объявил беспощадную войну преступным группировкам, развернувшим в Москве бандитский беспредел. И вышел победителем. Майор сумел отправить на каторгу самых одиозных уголовных лидеров, полностью разгромил несколько банд и теперь подбирался к главарю самого мощного клана – Чемберлену. У Корнилова была блестящая репутация: даже бандиты

признавали, что Андрей никогда не пользовался грязными приемами, вскрывая криминальные головоломки исключительно благодаря уму и мастерству. Эти же качества позволили майору в ходе проведения очередного расследования выйти на след Тайного Города, после чего Сантьяге не осталось ничего другого, как пойти на переговоры. Так Корнилов узнал о нелюдях и с тех пор несколько раз сотрудничал с ними. Артему это было известно, а потому он решил, что маленький подарок не повредит столь серьезному человеку.

– Здравствуйте, господа. – Корнилов обвел кислые физиономии уголовников сонным взглядом и, не стесняясь, зевнул. – Догадываюсь, вам так же приятна наша встреча, как мне... – Еще один зевок. – Но что делать? Работа.

Андрей был ярко выраженной «совой», и ранний подъем, который устроил ему Артем, не вызвал у Корнилова особого восторга.

– Хочу сразу предупредить, что телохранители, которые дожидались вас на улице, временно задержаны и доставлены в ближайший участок. Автомобили пока побудут в дорожной полиции, эвакуаторы мы уже вызвали.

Зал постепенно наполнялся оперативниками и полицейскими спецназовцами с автоматами в руках. Муба, Птиций, брат Ляпсус и гордый Копыто уехали, и от всей героической компании полицию дождался лишь Артем, Инга да посапывающий на диване Захар.

– Твой парень не позволил нам вызвать адвокатов, – недовольно бросил Автандил. – Это произвол!

Корнилов покосился на Артема, тот пожал плечами:

– Откуда мне знать, кому они позвонят?

– Логично. – Майор повернулся к бандитам. – В тот момент вы еще не были задержаны, господа, и вам не были предъявлены обвинения.

– А сейчас?

– Сейчас другое дело.

– И что нам шьют?

Корнилов снова зевнул, пригладил неопределенного цвета волосы и вновь посмотрел на наемника:

– Скупка краденого?

– Я бы сказал: организация хищения национального достояния в особо крупных размерах, – предложил Артем.

– Насколько крупные размеры? – осведомился майор.

– Восемь «дипломатов» с наличными, – наемник кивнул на аккуратно расставленную у стены добычу. – Все в целости.

– Кажется, ребята, вы здорово влипли, – повеселел Корнилов и ласково улыбнулся Пьянтриковскому: – Вы тоже. Наконец-то.

Давид Давидович горестно вздохнул.

– Неси осторожнее, – попросил Велемир, увидев, что Гореслав слишком резко стаскивает Захара с дивана. – Вдруг он проснется?

– Не проснется, – проворчал дружинник. – Я ему «пыльцу Морфея» в ноздри вдул, будет спать до самой смерти.

– Я хочу, чтобы он видел свою смерть, – напомнил Крутополк.

– Увидит, – пообещал Гореслав. – Доза маленькая, полграмма всего. Действие прекратится часа через три.

– Это хорошо.

Крутополк в последний раз огляделся: наемник и его рыжая спутница болтают с тощим полицейским, мрачные уголовники ждут своей очереди на прием к оперативнику, спецназовцы покачивают автоматами у стен – и вышел из зала. Ему даже не верилось, что похищение кровососа оказалось таким простым делом.

///

- Боюсь даже спрашивать, что вы здесь делали, – пробормотал майор, принохаясь к издаваемым Артемом запахам.
- Кто «вы»? – переспросил наемник.
- Вы, вы, – пояснил Корнилов.
- В смысле, ты и все остальные, – подсказала Инга. – Господину майору любопытно. Корнилов скептически посмотрел на рыжую.
- Ах, мы! – Артем широко улыбнулся. – Так это очень даже легко объяснить. Только вы обещайте, что поверите.
- Я постараюсь, – кивнул полицейский.
- Дело в том, что один мой друг, он как раз спит где-то неподалеку... – Наемник бросил взгляд на диван, пытаясь отыскать Захара, не заметил его и продолжил: – Так вот, мой друг пытался посвятить стихи моей девушке...
- Мне, – уточнила Инга, прижавшись к плечу Артема.
- Но у него вышла проблема с вдохновением, и мы поехали сюда.
- Зачем? – не понял майор.
- За вдохновением, – повторила рыжая. – Захару потребовалось взглянуть на «Вспышку страсти», окунуться, так сказать, в прекрасное.
- Культурный допинг, – добавил наемник. – Мы не нашли картину в нужном зале и побрели искать ее. Ну, а остальное вы знаете.
- Звучит правдоподобно, – признал Корнилов, вертя в руке зажигалку. – Стихи-то хоть написал?
- А как же, – подтвердила Инга. – Причем замечательные. Только я не запомнила ни строчки.
- Понятно. – Майор с сожалением сунул зажигалку в карман и повернулся к пустому дивану: – Ваш друг навел морок?
- Артем и Инга переглянулись.
- А где Захар?

* * *

муниципальный жилой дом

Москва, набережная Тараса Шевченко, 3 августа, пятница, 02:17

– Я балдею! Балдею! – прорычал Вовчик, стискивая руками тело Вероники. – Как же с тобой хорошо! Еще! Еще!!

Сидящая сверху девушка чуть увеличила темп. Она чувствовала, что еще чуть-чуть и... Громкие стоны Сокольникова наполнили спальню. Его пальцы судорожно сдавили ребра Вероники, оставляя на смуглой бархатистой коже красные отпечатки, а затем медленно соскользнули вниз. Вовчик откинулся на спину, расслабился, пару мгновений молчал, пытаясь восстановить дыхание, а затем вытер выступивший на лбу пот:

– Класс!

– Это только начало, милый, – пообещала Вероника. – Тебя ожидает масса сюрпризов.

– Надеюсь, – хмыкнул Сокольников. – Пойдем в ванную.

Вот и все. Минуту назад: «Как же с тобой хорошо, класс», и вот теперь суховатое «... в ванную». Девушка ощутила нарастающее раздражение. Впрочем, она ожидала от Вовчика нечто подобного. Вероника послушно соскользнула с любовника, потянулась, продемонстрировав Сокольникову длинные стройные ножки и задорно торчащие вверх полушария груди и вышла из комнаты.

– Похолоднее, – по-хозяйски распорядился Вовчик, забираясь в треугольную гидромассажную ванну и беря в руки душ.

Девушка покорно повернула ручку крана, устанавливая нужную температуру и напор воды.

– Отлично! – Сокольников направил на разгоряченное тело мощную струю. – Отлично!!

Вероника подождала, пока любовник не закончит плескаться под душем, затем выключила воду, тоже забралась в ванну, присела перед Вовчиком на колени, обняла его бедра и тихонько прошептала:

– Я слышала, холодная вода бодрит...

– Еще как, – подтвердил довольный Сокольников. – Продолжим?

– С удовольствием. – Девушка губами приласкала любовника, потом медленно поднялась на ноги, нежно проведя рукой по напряженному телу Вовчика. – Ты не против маленького колдовства?

– Совсем маленького?

– Но интересного.

– Это и есть обещанный сюрприз?

– Первый из них.

– Тогда я не против.

Он попытался прижать к себе девушку, но ведьма ловко выскользнула из объятий и ласково взяла его за руку:

– Закрой глаза.

Все, что ей было нужно, Вероника изучила еще днем, когда Сокольников был на работе. Металлический карниз, на котором висела огораживающая ванну занавеска, крепился к стене надежно, четырьмя длинными шурупами и оторвать его было бы трудно. Почти невозможно. Тем более что и стены в ванной были не асбестовыми панельками, а настоящими, кирпичными, построенными на века. Девушка взяла с полки припасенные заранее веревочки и быстро привязала руки любовника к металлической трубе.

– Что ты делаешь? – Вовчик открыл глаза.

– Ты же хотел колдовства, – тихо засмеялась Вероника. – Сейчас оно будет. Поверь, тебе понравится. – Она легонько провела губами по лицу и шее Сокольникова и открыла дверь ванной. – Я скоро.

Вернувшись домой Вовчик не стал проводить инвентаризацию своей собственности, иначе его бы наверняка заинтересовало, куда делись четыре стула из гостиной. И две табуретки. И еще маленький деревянный ящик из кладовой. Девушка деловито принесла в ванную добытые из мебели любовника дрова и сложила их под его ногами.

– Это для чего?

Сокольников вновь открыл глаза.

– Так надо.

Ведьма потеряла переносицу, вздохнула и стала медленно читать заклинание:

Инта эр сиал!

Фуак тиман...

Незнакомые слова привели Вовчика в состояние легкой паники.

– Ты спятила! – Он резко рванул карниз. Бесплезно. – Развяжи меня, идиотка!

Кимил кимал кол!

Слак мариа те...

Стены ванной комнаты быстро покрывались белым налетом. Сокольников ошарашенно огляделся, дотронулся плечом до кафельной плитки и удивленно вскрикнул: тело обжег пронзительный холод. Белый налет оказался инеем.

– Что происходит?

– Это заклинание называется «белая метель», – спокойно ответила Вероника. – Оно прячет все, что происходит внутри и нам никто не помешает.

– Не помешает чему? – Голос Вовчика предательски сорвался.

– Не помешает колдовству, – объяснила ведьма. – Ты же хотел.

– Выпусти меня!!

– Не кричи. – Вероника улыбнулась. – Поверь, милый, тебе стоило подумать о том, почему мои глаза стали золотыми.

– Ты психопатка!

– Нет, – отрицательно качнула бритой головой девушка. – В отличие от тебя я полностью отдаю себе отчет в происходящем.

– Тебе нужны деньги? Возьми...

– О чем ты говоришь. – Вероника поморщилась. – Все, не мешай.

– На помощь! На помощь!!!

Ведьма раздула костер, удовлетворенно хмыкнула, увидев, как вспыхнувшее пламя примеривается к обнаженным ногам Сокольникова, прошептала еще одно коротенькое заклинание, и дым послушной струйкой устремился в вентиляционное отверстие. Девушка знала, что, подчиняясь ее воле, он сразу же найдет путь на улицу, где незаметно растворится в московском смоге и никто в доме не почувствует запах гари, доносящийся из квартиры Вовчика. Вероника очень хорошо подготовилась.

– Спасите!! На помощь!!

Крики Сокольникова усиливались по мере того, как разгорался огонь, но сбить ведьму с толку они не могли: девушка полностью отрешилась от окружающего мира. Наступал самый главный момент, тот, ради которого она и затеяла все это. Наступал обряд Разделения Ужаса.

Вероника опустила на колени и протянула к пламени руки:

Нгоам сибат кур!

Бешера киф каздаам!

Ур кубатай!

Визг Вовчика наполнял маленькое помещение ванной. Несчастный пытался освободить руки, но веревки только глубже впивались в кожу, оставляя кровоточащие следы, а снизу тело Сокольникова пожирал огонь. Языки пламени стали синими. Подчиняясь заклинанию, они поднимались все выше и выше, яростно облизывая тело Вовчика.

Твой ужас питает Великого Господина и детей его!

Твой ужас прокликает кровь Гипербореи

И наполняет ее силой!

Твой ужас служит Великому Господину и крови его!

Вероника поклонилась, вскочила с колен, схватила заранее подготовленный шприц со «стимом» и ввела наркотик в набухшую на шее Сокольникова вену. Глаза Вовчика наполнились золотом Кадаф. Крики умолкли. Синий огонь погас и Вовчик быстро покрылся инеем. Но не белым, как стены ванной, а синим. Геометрически правильными кристалликами синего гиперборейского льда.

Ужас жертвы вечен!
Кровь Великого Господина вечна!
Раздели с нею свой ужас, о жертва!
И наполни кровь своим проклятием!

Золотые глаза Сокольникова превратились в бурую слизь. Вероника осторожно сняла ее большой столовой ложкой и с жадностью проглотила.

* * *

муниципальный жилой дом

Москва, улица Большая Тульская, 3 августа, пятница, 04:19

– Классно получилось! – возбужденно рассмеялся Гореслав. – Наемники думают, что кровососа увезли Птиций и Муба, а те уверены, что он остался с наемниками!

– И у нас есть время, чтобы разобраться с гадом, – закончил Велемир и с уважением посмотрел на Крутополк.

– Именно так я и предполагал, – со скромной гордостью кивнул ротмистр. – Блестящая импровизация – лучшее развитие событий любой операции. – Он посмотрел на сереющее небо. – Недолго убудку осталось.

– А что с ним будет под солнцем? – спросил Велемир. Он был самым молодым из дружинников и еще никогда не убивал вампиров.

– Сгорит, – коротко ответил Крутополк.

– В кошмарных мучениях, – усмехнулся Гореслав. – Солнечные лучи для масанов что-то вроде кислоты. Вопли всю округу разбудят.

– Отомстим за Рукомира как полагается, – подытожил ротмистр. – Давайте готовиться.

Люды расположились на крыше длинного, словно анаконда, здания, протянувшегося от Даниловского рынка до Третьего кольца. И дружинники не сомневались, что самые первые лучи восходящего солнца достанутся все еще спящему Захару.

– Оставим его здесь? – поинтересовался Велемир.

– Я хочу видеть, как эта тварь умрет, – процедил Крутополк.

– Я тоже, – добавил Гореслав.

Люды осторожно положили Трети на крышу, аккуратно расстегнули шелковую рубашку и переглянулись.

– Пора?

– Пора.

Ротмистр вытащил короткий деревянный кол и, сильно размахнувшись, вонзил его в грудь Захара. Масан выгнулся дугой.

///

– Муба сказал, что они оставили Захара в музее, поскольку никто не соглашался тащить его в машину! – сообщила Инга, складывая мобильный телефон.

- А где они? – спросил Артем.
- В «Ящеррице». Отмечают победу.
- Черт! – Наемник скрипнул зубами.

«Круизер» нарезал бесполезные круги по пустым улицам в районе Третьяковки. Потеряв Треми, Артем никак не мог решиться покинуть это место.

«Что делать?»

– Может, все не так страшно, – неуверенно произнесла девушка. – Может, Захар проснулся и отправился домой?

– Его мобильник не отвечает, – напомнил Артем.

– Он мог его отключить.

– Ты запустила поиск?

Рыжая вновь уткнулась в смартфон. Помимо всего прочего, «Тиградком» предлагал своим пользователям нехитрую услугу: определение местонахождения мобильных телефонов. Сканеры Тайного Города отслеживали даже отключенные трубки в Москве и всей области, но сейчас в правом верхнем углу монитора горела пустая строка.

– Они не могут найти его трубу.

– Значит, кто-то ее разбил, – буркнул наемник.

– Или он сам...

– Будем предполагать худшее.

– Но кто мог напасть на епископа Треми? – пробормотала Рыжая. – Это же самоубийство!

– Ты не забыла, в каком он состоянии? Он бы не проснулся, даже если бы ему перерезали горло.

– Но кто...

– Какая разница кто? – отрезал наемник. – Захар взрослый мальчик, у него полно врагов.

Спорить с этим заявлением было бессмысленно: смерти давно живущего масана мог желать кто угодно, начиная от непримиримых вампиров, изредка появляющихся в Тайном Городе, до мага Великого Дома, пожелавшего отомстить боевому епископу клана за какое-нибудь прегрешение в ходе последней войны. Или предпоследней. Треми жил очень долго.

Рыжая опустила плечи.

– И что мы будем делать?

– Думай, лапочка, думай, на тебя вся надежда. – Артем тяжело вздохнул. – Скоро взойдет солнце.

Инга наморщила лоб.

– Если бы у нас было хоть что-нибудь... Хоть волосок...

– Захар ехал в Третьяковку с нами, – вспомнил наемник.

– Точно!

«Круизер» резко остановился. Девушка выскочила из машины и распахнула заднюю дверцу.

– Он лежал здесь!

– И что?

– Алкоголики, – нежно произнесла рыжая. – Пьяницы несчастные! Кретины! Какие же вы молодцы!

В том месте, где покоилась голова масана, на сиденье виднелось едва заметное влажное пятно.

– Он облюбливал чехол, – с облегчением рассмеялся Артем. – Пьянь! Этого хватит?

– Вполне. Дай зажигалку.

Наемники так же, как все обитатели Тайного Города, не курили, но приспособления для добывания огня держали под рукой обязательно: довольно много широко применяемых заклинаний требовали наличия пламени.

Инга чиркнула колесиком, поднесла горящий язычок к влажной обшивке и быстро прочитала аркан. Над сиденьем поднялось маленькое серое облачко.

Заклинание поиска позволяло найти любое существо по его уникальному генетическому коду. Магу требовалось совсем немного: волосок, капелька крови, частичка кожи объекта или, как в данном случае, остатки его слюны.

– Он совсем рядом! – прошептала рыжая, пристально глядя внутрь облака. – Он рядом!! Проклятье! Он на крыше и не может уйти!!

///

Последняя звезда, задорно сверкнув, растаяла на светлеющем небосклоне. Еще несколько мгновений красные глаза епископа Трети искали ее, а затем переместились на закрывающее горизонт ограждение крыши. Ранний рассвет, единственный, кроме лунного, доступный масанам свет. Незащищенным масанам. Некоторые из них, облаченные в плотные комбинезоны и шлемы, иногда позволяли себе прогуливаться по городу днем, но Захар не относился к их числу: бессмысленный риск не привлекал епископа. Да и какой в этом смысл? Искривленный фильтрами солнечный свет все равно скрывал от взгляда вампира свою подлинную сущность. Только дразнил.

«Сегодня я впервые увижу настоящий свет Солнца».

Боль в груди перестала быть пронзительной, превратившись в тупое напоминание о собственном бессилии. Деревянный кол, загнанный дружинниками прямо в сердце, не мог убить – организм масана был слишком крепок. Но лишил Захара возможности двигаться и, что самое страшное, возможности применить магию крови. Ему оставалось только лежать. Просто лежать на грязной крыше в ожидании восхода солнца. В ожидании смерти.

Хорошая месть. Красивая. Придумана со вкусом. Демонстрирует великолепные познания мстителя в том, что касается особенностей физиологии жертвы.

Луч тонкий юрким мотыльком
Несет стремительное жало.
Мне не дано его понять,
Но нежность этой смерти знаю...

Епископу уже доводилось попадать под солнечные лучи: когда-то давным-давно, спасаясь от преследования, он выскочил на улицу, забыв о разорванном рукаве. С тех пор его левое плечо украшал уродливый шрам.

– Ты умрешь не сразу, – пообещал Крутополк, кивнув на одежду вампира. – Мы поставим над твоей головой тент, и ты увидишь, как сгниют твои руки, ноги, а уж потом – все остальное.

– Тебя *высушат*, урод, – презрительно прохрипел Трети. – *Высушат!* Я обещаю.

Небо стремительно серело, возвещая о приближении убийственного солнца.

– Кто? – Ротмистр низко склонился над Захаром. – Кто узнает, что это сделал я? И кто будет мстить? Ты совсем один, кровосос. Ты никому не нужен.

///

– Он здесь, на крыше! – крикнула Инга, держа в руках захваченный из машины плед. Заклинание поиска показало, что масан не может покинуть крышу, и наемник приказал девушке на всякий случай взять с собой плотное полотно.

– Знаю! – Метка Темного Двора на правом плече Артема пульсировала, сообщая хозяину о слабом фоне магической энергии, излучаемой Захаром. Но в то же время по лопатке

царапала когтями еще одна колдовская татуировка, «королевский ястреб настороже», которая предупреждала об опасности.

– Ты видела, кто с ним?

– Нет!

– Ладно, разберемся позже. – Наемник передернул затвор «АК» – под сиденьями внедорожника можно было найти много интересных вещей – и улыбнулся. – Если останется, с кем разбираться.

– А если там маг?

– Ты его чувствуешь?

– Нет, – качнула головой Рыжая. – Но у меня почти не осталось энергии! Я не смогу применить магию!!

– Солнце вот-вот взойдет!

Артем выбил дверь на крышу и, не раздумывая, дал длинную очередь в сторону стоящей у края крыши группы белобрых мужчин.

– Это всего лишь люди!!

– Наемники!!

Реакция дружинников была молниеносной. Гореслав бросился на землю и, выпуская длинные очереди из короткого автомата, стал перекатываться к ближайшему вентиляционному коробу. Крутополк, выхвативший из-под одежды тяжелый, но надежный «АПС», заставил Артема спрятаться за дверь, а сам одним прыжком скрылся за параболической антенной.

И только Велемир остался стоять возле распластанного Захара: первая же пуля, наудачу выпущенная наемником, пробила молодому человеку голову. Он покачнулся, дотронулся рукой до окровавленного лба, пару секунд удивленно смотрел на испачканную ладонь, а затем, мягко перевалившись через край крыши, полетел вниз.

– Велемир!!! – Отчаянный крик Гореслава потонул в автоматных очередях.

///

– Ортега, это Инга Волкова! – торопливо прокричала девушка в телефонную трубку. – Ортега...

– Здравствуй, красавица. – Нав, судя по всему, широко зевал.

– Нам срочно нужна помощь!

– Влипли?

Ради самих себя наемники вряд ли позвонили бы ближайшему помощнику комиссара, но сейчас был особый случай: епископ Трети занимал видное положение в семье Масан, входящей в Темный Двор, а потому вмешательство навов было более чем естественным.

– Захар Трети в беде!

– А у вас там стреляют, – наблюдательно сообщил медленно просыпающийся Ортега.

– Пришли кого-нибудь...

– Не выключай телефон, – проворчал нав. – Мы наведем портал по твоей трубе. Сейчас будем.

По синим окнам стоящей напротив высотки Налоговой инспекции запрыгали первые солнечные зайчики. Диска еще не было видно, но Артем понимал, что он может появиться каждую секунду.

И тогда Захару конец.

– Прикрой меня!

– Что ты делаешь?!

Артем выхватил у девушки плед, рывком распахнул дверь и бросился к распластанному на крыше Захару.

– Темка, осторожнее!! – Инга закусила губу и, не жалея патронов, поливала дружинников из оставленного наемником «АК».

– Что он делает? – крикнул Гореслав.

– Он все портит, – проворчал Крутополк. – Он все портит!! Постарайся...

Но длинные автоматные очереди не позволили людям помешать отчаянному броску Артема.

На ходу раскрыв плед, наемник в несколько прыжков достиг Треми и накрыл его. Солнечный диск величаво выбрался на небо, но свет его не смог пробить толстую ткань. Артем заботливо поправил плед и, укрывшись от дружинников за масаном – пули ему все равно не страшны – поинтересовался:

– Ты жив?

– Это будет зависеть от того, кто победит в схватке, – рассудительно заметил Захар.

Но Артем почувствовал, что за внешней бравадой епископа скрываются боль и неуверенность. К тому же масана была крупная дрожь.

«Неужели от страха?»

– Старик, понимаю, что ты и так занят, – проскрипел Треми, – но не мог бы ты снять меня с кола?

– Черт! Конечно!

Теперь наемник понял, почему дрожал Захар: пробитый деревянным штырем епископ стремительно терял силы. Артем нащупал через плед верхушку кола и осторожно вытащил его.

– Скоты.

– Со своей точки зрения, они действовали правильно, – философски пробормотал Треми. – По-другому они бы меня не удержали.

Где-то вдали азартно стрекотали автоматные очереди.

– Кто стреляет? – поинтересовался вампир.

– Инга.

– А где Муба?

– Пьет, наверное, – вздохнул наемник. – Они уехали до того, как тебя похитили.

– Понятно. – Захар помолчал. – Хорошая у тебя подруга, Артем. Очень хорошая. Жаль, что я так и не смог посвятить ей ни строчки... Пьян был. – Масан покашлял. – Но я обязательно напишу. Позже.

Наемник, поняв, что Треми абсолютно не помнит ночных событий, хмыкнул и задал давно интересующий его вопрос:

– С чего дружинники решили напасть на епископа клана? Спятили?

Под пледом вновь помолчали.

– Неделю назад я *высушил* обер-воеводу Рукомира. – Даже через плотную ткань Треми почувствовал косой взгляд наемника и поспешил уточнить: – Ничего противозаконного, старик, он вызвал меня на дуэль, я победил и, в полном соответствии с Кодексом, имел полное право на его кровь.

– Дружкам Рукомира это не понравилось, – понял Артем.

– Ага.

– И они решили тебе отомстить.

– Ага.

– Ну что ж, – вздохнул наемник. – Глупость, конечно, дар божий, но злоупотреблять им нельзя.

Выстрелы неожиданно стихли.

– Что случилось? – насторожился епископ.

– Инга вызвала подмогу, – объяснил Артем, осторожно приподнявшись над вампиром. –

Мы победили.

Как и обещал Ортега, помощь пришла. Не выспавшийся, а потому очень злой помощник Сантьяги вывалился из портала в сопровождении двух гарок – воинов Темного Двора, молча отодвинул в сторону обрадованную Ингу и вразвалочку прошел на крышу. Навы, как и масаны, слабо реагировали на раны, нанесенные простым железом и Ортега мог себе позволить не обращать внимания на стрельбу дружинников.

Дальнейшее напоминало кадры из плохого боевика. Очень плохого. Из разряда тех, в которых главный герой убивает врагов щелчками, не забывая при этом попивать кофе и обсуждать по телефону планы на вечер. Раздраженным ранним подъемом гаркам потребовалось всего несколько секунд, чтобы навести на крыше идеальный порядок: Гореслав медленно тлел, пробитый «эльфийской стрелой», а обезоруженный Крутополк оказался рядом с прикрытым пледом Захаром.

Ортега приветливо кивнул поднышшему на ноги Артему, ткнул носком ботинка в плед, послушал ответное ворчание и повернулся к ротмистру:

– Вы действовали в целях самообороны?

Крутополк угрюмо мотнул головой:

– Нет.

– Это была дуэль?

– Нет.

– Вы действовали по приказу Великого Дома Людь?

Снова отрицательное покачивание. Ортега вздохнул.

– В настоящее время между Темным Двором и Зеленым Домом действует мирное соглашение. Ваши действия нарушают его. Вы знаете, что это означает?

– Да, – буркнул ротмистр.

– Согласно положениям Кодекса, ваши действия расцениваются как неоправданное применение насилия, не вызванное самообороной или согласием противной стороны на честную схватку. Великий Дом Людь не имеет права требовать суда или разбирательства. Он может предложить переговоры, но... – Ортега наклонился и постучал ладонью по пледу: – Епископ, вы готовы идти на переговоры?

– Нет, – проскрипел масан.

– Я так и думал. – Нав поднялся, и его черные глаза остановились на поникшем Крутополке. – Ваша кровь принадлежит Захару, епископу клана Тречи. Такова воля Темного Двора.

– Да, два трупя дружинников, – повторил Артем в телефонную трубку. – Плюс возможны проблемы с полицией, здесь было шумно.

– Я заглушила выстрелы мороком, – тихо произнесла Инга и слабо улыбнулась. – На это моих возможностей хватило.

– Полиции не будет, – поправился наемник. – Просто два трупа. Я думаю, Служба утилизации знает, что с ними делать. – Он помолчал. – Нет, оплачивать будет Зеленый Дом, а все объяснения будут представлены Темным Двором. Я звоню, потому что все остальные очень заняты. Все.

Артем сложил телефон. Служба утилизации занималась заметанием следов активности Тайного Города, и звонок в нее был обязательным в том случае, если участники заварушки не могли справиться собственными силами.

– Захар *высушит* этого люда? – по-прежнему тихо спросила Рыжая, глядя, как гарки вталкивают поникшего Крутополка в портал.

– Уверен, что да, – спокойно ответил наемник. – Епископ потерял много сил, и ему необходима *пища*.

Инга вздохнула.

– Устала? – Артем нежно обнял хрупкую подругу. – Поедем домой?

– Лучше в офис, – предложила девушка. – Там есть подзаряжающий артефакт для меня и... – Она озорно улыбнулась. – И чудный диван в комнате отдыха.
– Для меня?
– Для нас.

Глава 3

«Майор Корнилов продолжает удивлять потрясающей результативностью в борьбе с преступниками. Не успел утихнуть шум, вызванный разгромом фабрики по производству синтетических наркотиков, как пресс-служба Московского полицейского управления распространила заявление об аресте отделом специальных расследований сразу восьми лидеров крупнейших бандитских формирований. Подробности пока не сообщаются, но...» («Ведомости»)

«Темный Двор выражает крайнюю озабоченность возросшей агрессивностью дружинников Зеленого Дома и намерен требовать от королевы Всеславы объяснений. Приведет ли жесткая реакция на вав на неудачную попытку трех людей убить епископа клана Трети к серьезному конфликту или дело ограничится принесением извинений? В свете последних событий этот вопрос...» («Тиграджом»)

* * *

*Замок, штаб-квартира Великого Дома Чудь
Москва, проспект Вернадского, 3 августа, пятница, 07:11*

– Две бронзовые таблички, покрытые письменами. – Командор войны Гюнтер Шайне вытащил из кожаного мешочка металлические прямоугольники, небрежно взвесил на ладони и положил на стол. – Надпись выполнена на азаме.

– Это не артефакты, – подал голос стоящий у стены рыцарь.

По приказу опасавшегося подвоха Шайне этот маг тщательно сканировал изымаемые у ведьмы предметы. Еще два чуда, замершие у двери камеры, не спускали глаз с девушки: рыцари весьма серьезно отнеслись к появлению в Замке перерожденной наложницы.

– В табличках нет магической энергии.

– Я вижу. – Гюнтер внимательно посмотрел на Веронику. – Это все?

– Как видишь, – буркнула девушка.

Она была абсолютно спокойна. Вероника знала, что излучает силу – обряд Разделения Ужаса, в котором не по собственной воле принял участие Вовчик Сокольников, переполнил ее магической энергией – и ей нравилась нервозность чудов. Слухи о способностях гиперборейской ведьмы вызывали к ней повышенный интерес, что было на руку девушке.

На столе аккуратно разложили принадлежащие ей вещи: дамская сумочка, пустая и даже вывернутая наизнанку, мобильный телефон, косметичка, рядом с которой лежали помада, тени, пудреница и лак для ногтей, две прокладки, одноразовый шприц, три ампулы со «стимом» и бронзовые таблички. Чуть в стороне Шайне поместил дешевый золотой браслет, сережки, цепочку и маленькое колечко.

– Больше у меня ничего нет.

– Хорошо. – Гюнтер помолчал. – Насколько я знаю, ведьма, еще два дня назад ты была обычным челом, ни сном ни духом не ведавшим о Тайном Городе. Вчера ты весь день провела с Ктулху. Погонщик только вынырнул из Глубокого Бестиария и вряд ли мог рассказать тебе подробности о нашей жизни...

– К чему ты ведешь? – невозмутимо перебила его девушка.

Лицо командора приблизилось к Веронике:

– Как ты спаслась из «ЦентрМедПереработки»?

– За секунду до того, как Сантьяга убил Ктулху, Погонщик рабов сделал для меня портал. Нав был слишком занят, чтобы заметить это.

– Откуда ты узнала, где нас искать, ведьма?

– Я провела ночь в квартире своего друга на набережной Тараса Шевченко, – спокойно ответила девушка. – Не знаю, каким образом, но его телевизор оказался настроен на канал «Тиградком».

Рыцари переглянулись.

– Проверить, – распорядился Гюнтер.

Один из чудов кивнул и вышел из комнаты. Шайне вновь повернулся к Веронике:

– Твой друг... Ты его убила, чтобы получить энергию?

– Да.

– А ты опасна.

– Для глупцов, – презрительно ответила ведьма, и ее золотые глаза легко выдержали тяжелый взгляд командора войны.

– Глупцов не жалко, – после паузы произнес Гюнтер.

– Мы хорошо понимаем друг друга...

– В «Тиградком» сообщили, что вчера вечером у них произошла авария в доме на набережной Тараса Шевченко, – доложил вернувшийся рыцарь. – Около десяти минут сигналы ОТС получали в нескольких обычных квартирах, но никакой реакции от жильцов не последовало и ребята решили, что пронесло.

– Во сколько была авария?

– В девять.

– Время новостей.

Вероника фыркнула и отвернулась.

– Продолжим обыск, – буркнул Шайне. – Раздевайся.

Предложение прозвучало буднично, по-деловому и никто из присутствующих рыцарей не позволил себе не то чтобы шутки, но даже шаловливого покашливания. Никаких эмоций. Они смотрели на ведьму так, словно перед ними стояла не привлекательная молодая женщина, а деревянная статуя. Вероника не спеша сбросила кроссовки, носки, сняла блузку, при этом «запуталась» в рукавах, давая возможность охранникам оценить упругие груди, затем стянула джинсы, снова запнулась так, словно ее смущало наличие зрителей, затем медленно стащила тоненькие трусики и гордо вскинула голову. Чуды сохраняли молчание, но девушка заметила, как раздулись ноздри Гюнтера.

«Тебе понравилось, командор?»

– Тряпки сжечь, – негромко приказал Шайне. – А ты, ведьма, наденешь это.

И он бросил Веронике длинную, до пят, грубую рубаху.

///

– Надеюсь, столь ранние совещания не войдут у великого магистра в привычку? – пошутил Вальдемар Балота, протягивая руку Францу де Гиру. – Доброе утро, капитан.

– Доброе утро, магистр, – коротко ответил мастер войны, приветствуя лидера ложи Саламандры. – Чрезвычайные обстоятельства.

– Не сомневаюсь! – рассмеялся Балота. – Неужели зеленые решили принять все наши требования?

– В этом случае не было бы необходимости в спешке, – вставил Себастьян де Лок, магистр ложи Горностаев. До появления в тронном зале Вальдемара он обсуждал с Францем, который доводился ему двоюродным племянником, какие-то вопросы.

– Тогда, может быть, люди решили повоевать с нами?

– Было бы неплохо, – поддакнул подошедший к группе Нельсон Бард, невысокий и горячий повелитель ложи Мечей. – В последнее время зеленые ведут себя вызывающе!

– И в чем это выражено? – осведомился де Лок.

– Наглеют, – буркнул Нельсон, покосившись на самого старого магистра лож Ордена.

Горностаи считались самыми хитрыми среди прямых, как штыковая лопата, рыцарей, и представители остальных лож относились к ним с легкой настороженностью.

– Наглеют, – тихо повторил Себастьян, поглаживая короткую седую бородку. – Занятно.

– Посмотрим, что ты запоешь, когда жрицы запустят производство Золотого Корня и наштампуют столько боевых магов, сколько им нужно, – фыркнул Бард.

– У них есть время, чтобы одуматься, – заметил Франц.

– Зачем ждать, пока они одумаются? – рассмеялся Балота. – Надо опередить их! Первыми нанести удар!

– Поспешностью можно удивить друзей, – серьезно, но как-то в сторону произнес де Лок. – Врагов ею радуют.

– Ты забыл, сколько битв мы выиграли благодаря стремительным ударам?

– Подготовленным ударам, – отчеканил Франц. – Стремительным, но рассчитанным.

Я могу привести десятки примеров того, как успешные на первый взгляд авантюры приводили к краху!

– Не думал услышать такие речи от мастера войны, – процедил Вальдемар.

– А иногда было бы неплохо, – тихо произнес де Гир.

– Слышать?

– Думать.

Глаза магистра Саламандры вспыхнули, пальцы сжались на рукоятке висящего на поясе кинжала, с губ были готовы сорваться... Но Балота подавил гнев и пробурчал:

– Уверен, мы еще обсудим этот вопрос.

Капитаном гвардии великого магистра мог стать только лучший боевой маг Ордена, и дуэль с ним могла закончиться одним-единственным образом. Каким – все догадывались, а потому главному Саламандру пришлось взять себя в руки. Нельсон задумчиво облизал губы, и только старый де Лок оставался абсолютно бесстрастен.

– Пойду поздороваюсь со здоровяком, – пробубнил Вальдемар и направился к тоскливо зевающему у стены Эмилю фон Чавесу, массивному магистру ложи Драконов.

Нельсон молча последовал за Саламандром.

Франц заложил руки за пояс и качнулся с пятки на носок.

– Не думал, что ты ищешь лишних врагов, – негромко проговорил Себастьян.

– Я не сдержался.

– И много потерял. Теперь любое твоё предложение Вальдемар воспримет в штыки.

Франц угрюмо кивнул и тут же вытянулся в струну: в зал вошел Леонард де Сент-Каре, мастер мастеров, великий магистр Ордена.

* * *

Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Навь

Москва, Ленинградский проспект, 3 августа, пятница, 07:54

Двухэтажный кабинет «ласвегасов», личных аналитиков комиссара Темного Двора, представлял собой дивную смесь компьютерной барахолки и магической мастерской. По огромному, залитому светом помещению были причудливо разбросаны мониторы и серверы, реторты и пыльные фолианты, мощные сканеры и загадочного вида бронзовые треноги, попыхивало колдовской травкой и сгоревшими предохранителями. Картину дополняли обрывки

кабелей и разбросанные там и сям пустые коробки из-под пиццы и гамбургеров, которые забывал выбрасывать вечно голодный Доминга, нав-предсказатель высочайшего класса. Вторым и последним членом группы был шас Тамир Кумар, великолепный программист, дока в статистике и математической логике. Кличку же свою «ласвегасы» приобрели благодаря серии умопомрачительных выигрышей в крупнейших казино Нового Света, после которой на них и обратил внимание Сантьяга.

Логово аналитиков так же, как личный кабинет комиссара Темного Двора, резко отличалось от мрачных помещений Цитадели, и Сантьяга любил здесь бывать.

– Как здоровье уважаемого епископа Трети? – рассеянно поинтересовался комиссар, изучая положение шаров.

– А чего с ним станется? – пожал плечами Ортега. – *Высушил* своего обидчика и завалился спать. Проснется, будет как огурчик.

– Славно. Передайте в пресс-службу, чтобы они не очень раздували инцидент. Тех заявлений, которые уже прозвучали, вполне достаточно.

– Хорошо, – кивнул помощник комиссара.

Тем временем Сантьяга принял решение, склонился над столом и нанес короткий точный удар. Шар, отразившись от трех бортов, положил на зеленое сукно последнюю фишку.

Изящный столик для карамболя «ласвегасы» притащили на рабочее место несколько месяцев назад. Зачем никто не спрашивал: прикрытые широкой спиной Сантьяги аналитики могли делать все, что им взбредет в голову. Комиссар, в свою очередь, оценил идею и когда позволяло время, с удовольствием гонял шары.

– Я вижу, вы решили сопротивляться до последнего, – улыбнулся Сантьяга, наблюдая, как Доминга сосредоточенно натирает мелом кий. – Хочу заметить, что со времени нашей последней партии вы существенно улучшили игру.

– Я много тренировался, – буркнул предсказатель.

– Но недостаточно, – недовольно протянул Ортега. – Давай напрягайся, прохвост, из-за тебя я могу потерять деньги.

Доминга невнятно пробормотал в ответ нечто короткое и емкое и склонился над столом.

Зрители, Тамир Кумар и Ортега, расположились в удобных креслах, потягивали сок и не скупались на ехидные комментарии. Особенно Ортега, который поспорил с Тамиром на три сотни, что Доминга не проиграет Сантьяге больше ста очков. В данный момент предсказатель отставал от комиссара почти на двести. И опять смазал удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.